

Тургеневский ежегодник 2016-2017 года/
Сост. и ред. –
Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. – Орел:
Издательский Дом «ОРЛИК», 2018. – 424 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева

На первой странице обложки: Худ. Л. Курнаков. Тургенев на охоте. 1956.
На обороте обложки: Железнодорожный вокзал в Орле.
Почтовая открытка XIX век.

© БУКОО Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2018

© Издательский Дом «ОРЛИК», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л.В. Дмитриухина. Музейный калейдоскоп 7

I. Научные исследования и сообщения

<i>Л. Д. Беднарская.</i> Лирическое начало в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг»	15
<i>Н. П. Генералова, В. А. Лукина.</i> Новые штрихи к теме «Тургенев и Виктор Гюго»	26
<i>А.Г. Гродецкая.</i> «...О меткости эпиграмматических заметок»: Тургенев за чтением Гончаровского “Обрыва”...49	
<i>С. А. Ипатов.</i> «Первое собрание писем И. С. Тургенева» (1884): У истоков научной биографии писателя	59
<i>Л.В. Пащикова.</i> И.С. Тургенев и А.П. Боголюбов. Несколько штрихов к истории отношений	70
<i>С.Л. Жидкова.</i> Русские поэты около Тургенева	77
<i>В.Г. Ветрова.</i> Профессор А.М. Путинцев о библиотеке И.С. Тургенева.....	82
<i>С.Д. Симеонова.</i> Произведения И.С. Тургенева в кино	96
<i>Ярмо Хелли.</i> Тургенев как промысел.....	108
<i>Т.Ю. Сиякова.</i> «Заслуживающая особенного внимания» (Н.С. Лесков и Марко Вовчок).....	116
<i>Н.К. Деулина.</i> Биографический контекст в рассказе Л. Андреева «У окна»	126
<i>Е.Н. Коханова.</i> Л. Н. Андреев и Е. П. Карпов.....	134
<i>Е.Н. Коханова.</i> Леонид Андреев – художник	143
<i>Т.В. Гордиенко.</i> «Полтавские губернские ведомости» (часть неофициальная) и еженедельник «Хуторянин» в журналистской биографии Ю.А. Бунина (1895-1896 гг.).....	152

II. Путешествие с Тургеневым

<i>А.А. Евдокимова, Т.Н. Кудинова, Г.Н. Муратова, Е.В. Николаева, Е.Г. Петраш.</i> По тургеневским местам Москвы	167
<i>Е.Г. Петраш.</i> Полеты во сне и наяву, или путешествие с Эллис	176
<i>Р.В. Ермаков.</i> Путешествие с И.С. Тургеневым по Неаполю и его окрестностям	186
<i>Е.И. Клочкова.</i> «Клад в табакерке». К проекту второго путешествия по тургеневским местам Европы	194
<i>И.Н. Тишина.</i> Литературное паломничество к Тургеневу ...	202

III. Наши публикации

<i>И.С. Тургенев. Ода Полине Виардо.</i> Перевод с франц. Н.П. Генераловой. Главный усадебный дом И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. Материалы реставрации. (Публикация и предисловие <i>В.П. Волчихиной.</i> Окончание)	211
<i>Н.М. Чернов.</i> К вопросу об увековечении памяти И.С. Тургенева в дореволюционном Орле (По неопубликованным архивным материалам: Публикация А.Н. Чернова.)	228
<i>Н. А. Татаренкова.</i> Семейная драма Николая Гребницкого. Часть первая	236
<i>М. Дубровская.</i> Дневник из эпохи Великой Отечественной Войны. Тетрадь № 2. Публикация А.Т. Молозевой	261
<i>С.В. Глотов.</i> 16-Я гвардейская. Бои в Орловском Полесье и на Карачевской земле летом 1943 года	271

IV. К 100-летию Октябрьской революции 1917 года

<i>Е.Н. Филатова.</i> Восприятие революции И.Бунным и М. Алдановым (По дневникам Бунина «Окаянные дни» и рассказу Алданова «Советские люди»)	279
<i>Е.М. Шинкова.</i> Рожденный революцией (По материалам фонда № 13 «И.Е. Вольнов» в коллекции ОГЛИМТ)	288

V. Из собрания Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева

<i>Л.М. Маричева.</i> Экспонаты рассказывают:	323
<i>Е.М. Шинкова.</i> К истории формирования личного фонда И.А. Бунина в коллекции Орловского объединённого государственного литературного музея	329
<i>И. А. Костомарова.</i> Судьба парижского архива И.А. Бунина	352

VI. Из истории музея: годы, люди, судьбы

<i>В.Г. Ветрова.</i> Кинолекторий в Орловском литературном музее И.С. Тургенева	365
<i>Н.М. Кирилловская.</i> Некоторые штрихи к портретам известных ученых	379

Н. А. Татаренкова

Семейная драма Николая Гребницкого

*Là sotto giorni brevi e nebulosi
Nasce una gente al cui l'morir non duole!.*
(Пенарка, канцона XXVIII)

От автора:

С 1877-го по 1907 год должность управляющего Командорскими островами занимал кандидат естественных наук Николай Александрович Гребницкий. С годами безродный юноша, родителями которого были записаны крепостные князя А.А. Суворова, смог получить титул потомственного дворянина. Его жизненный путь был непрост. В 1869 году за участие в студенческих волнениях Николай был отчислен из Петербургского университета и выслан под надзор полиции в Новгород. 23 января 1870 года он заключил брак с Екатериной Ивановной, младшей сестрой известного революционера-публициста Дмитрия Писарева.

Катя Писарева приехала в Новгород к матери и старшей сестре Вере после того, как ее отчислили из московской гимназии за «зловредный дух» и желание стать телеграфисткой. Вера находилась под надзором полиции за участие в похоронах брата и поддерживала идеи собрать деньги на скульптуру покойного. Разрешения на перемещения девушки согласовывались лично с Императором. Сестер опекала их мать Варвара Дмитриевна. Будучи великолепным и самоотверженным педагогом, она смогла вырастить грамотных и мыслящих детей. Но это их и погубило.

¹ «Там, где дни облачны и коротки, родится племя, которому не больно умирать» (итал.). Пушкин использовал цитату как эпиграф к 6-й главе «Евгения Онегина». Ее же привел Герцен на смерть Дмитрия Писарева («Kolokol», № 12 от 15 сентября 1868 г.).

В работе рассматриваются этапы становления личности Екатерины Ивановны и воссоздаются образы эпохи. Девочка стала превращаться в «нигилистку» после того, как в 1864 году приехала из тульской провинции в Петербург. Посещая заключенного в Петропавловской крепости брата, она узнала много такого, что не предназначалось для юной души. Екатерина выбрала для себя трудовой путь и задалась целью получить высшее образование. В России это было сделать невозможно, и она отправилась в «свободную» Швейцарию. Она училась в университете и политехникуме Цюриха. Но в 1873 году вышло объявление правительственной Комиссии о санкциях, которые будут применены к членам цюрихской коммуны, и девушки покинули это место. В 1874 году Гребницкая переехала в Женеву и сблизилась с революционером Александровым. Там она заведовала небольшой типографией. Через год с небольшим, доведенная до крайнего отчаяния, девушка застрелилась (или была убита) из револьвера последнего.

Брак Гребницких не выдержал испытания разлукой, но его нельзя назвать «фиктивным». Последние месяцы супруги не поддерживали отношения. Трагическая участь жены стала потрясением и для Николая Александровича. Через четыре месяца после случившегося он покинул родные места и отправился в Сибирь, а затем – на Дальний Восток и Командоры.

Разыгравшаяся драма отражает не только историю данной семьи, но и трагедию всего общества. Тема борьбы за светлое будущее и выбранных для этого путей никогда не устареет.

Вступление. Студенческие волнения

С 1877 по 1907 год должность управляющего Командорскими островами занимал кандидат естественных наук Николай Александрович Гребницкий (1848-1908). В конце 1899 года за ним было признано звание потомственного дворянина. Гребницкий умер в своем небольшом имении в Новгородской губернии, окруженный заботой большой семьи и уважением коллег. На массивном лабрадоритовом надгробном камне выгравирована цитата из Писания: «*Большаи сея лубове никтоже имат да кто душу свою положит за*

други своя». Таким незбылемым и праведным казался землякам итог его шестидесятилетнего пути. Но никто не знал, насколько тяжел и тернист был этот путь, какие беды скрывались за глубоким проницательным взглядом.

Молодые годы Николая Александровича протекали непросто. В 1867 году безродный новгородский юноша закончил с серебряной медалью Ларинскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Жил он бедно, был вынужден давать частные уроки, но это не мешало успешному продвижению его научной карьеры. Являясь одним из активных членов университетского Общества Естествоиспытателей природы, Николай успел составить серию иллюстрированных лекций по морфологии животных. Материал был готов и ожидал печати, когда жизнь автора изменилась резко и бесповоротно.

Все начиналось весьма невинно. Собираясь друг у друга, молодые люди критиковали существующие порядки, лишавшие их права иметь собственную студенческую кассу и обсуждать накопившиеся проблемы в стенах учебных классов. Возмущало и наличие постоянного полицейского контроля. В начале марта 1869 года слушатели Медико-хирургической академии обратились к студентам других вузов с предложением объединить усилия. Последовавшие за этим шумные сходки в Петербургском университете закончились отчислением девяти зачинщиков, что в свою очередь вызвало новый взрыв негодования и новые аресты. Все нарушители были отчислены. В их числе оказался и либерально настроенный Николай Гребницкий. Из-за недостатка при полицейских домах арестантских помещений студенты на короткий срок были заключены в Петропавловскую крепость. В конце месяца их административным порядком выслали «по месту проживания», под надзор местной полиции². Таким образом 27 марта 1869 года отчисленный студент в сопровождении городского Петербургской полиции Михаила Иванова прибыл на «малую родину», в Великий Новгород³.

Родных в городе не было, не было и средств к существованию. Тогда Николай вместе со вторым отчисленным студентом, Владимиром Лебедевым, обратился в Губернскую управу с просьбой взять их на работу как вольнонаемных служащих. За год пребывания под надзором Гребницкий «замечаниями в каких либо вредных направлениях» не подвергался, вел себя благопристойно, правда, в летнее время «покупивал» с «бывшими в отпуску» студентами. Сперва он жил в доме Карталинской (1-й участок 2-й торговой части)⁴, но осенью 1869 года перешел на квартиру к Баршеву, где, по утверждению полицмейстера Аристова, «ни с кем из людей не благонамеренных знакомства не вел и постоянно занимался у Баршева, Вице-Губернатора и Земской Управе»⁵.

В это же время из Тульской губернии прибыла в Новгород Вера Писарева – сестра известного литературного критика, революционера-публициста Дмитрия Ивановича Писарева. Предыстория была такова: 4 июня 1868 года Дмитрий утонул в море близ Дубельна (совр. Дубульты, часть г. Юрмалы), и его тело «с дозволения Министра Внутренних дел» было перевезено в Санкт-Петербург, а затем, 29 июля, погребено на Волковом кладбище неподалеку от могил Белинского и Добролюбова. Похоронами распорядился издатель сочинений Писарева Флорентий Федорович Павленков – для покойного был заказан «гроб без креста» и открыта «без надлежащего разрешения подписка на память Писареву» (сбор средств на бронзовую скульптуру)⁶. Гроб опускали без священника, и на могиле произносились «противохристианские» речи, в том числе Дмитрием Константиновичем Гирсом⁷, «который в своей речи отрицал между прочим бессмертие души». Затем Гирс предложил учредить стипендию имени Писарева. Церемония проходила в присутствии примерно трехсот человек, и потому была воспринята властями как политическое событие. III Отделением были задержаны Гирс, Павленков и увлеченная последним Вера Писарева. По окончании

² Татищев, л. 173-176, 303 об.

³ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 1-2 об.

⁴ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2570. Л. 5.

⁵ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 42-42 об.

⁶ Татищев, л. 170 об.-171.

⁷ Второй женой Гребницкого была Елизавета Николаевна Гирс, отец которой приходился Дмитрию Константиновичу двоюродным братом.

следствия Павленкова сослали в Вятку, Гирса – в Вологду⁸, а Вера как потенциально неблагонадежная была «отправлена к родителям в Тульскую губернию под их поручительство и надзор местных властей». В январе 1868 года Государь Император «Высочайше соизволил разрешить» ей переехать из Тульской губернии в Новгород «вместе с матерью ея и на тех же самых условиях», т.е. под надзор местных властей⁹. 12 апреля Вера покинула пределы скромного имения Писаревых в деревушке Грунец и через неделю вместе с матерью Варварой Дмитриевной приехала в Великий Новгород. Женщины остановились в доме чиновника Иванова близ Почтовой конторы. Осенью того же года к ним переехала исключенная из московской гимназии младшая дочь, Катерина.

Новгород и сегодня город немногочисленный, а в те годы сосланные по политическим соображениям молодые люди разминуться просто не могли. К осени 1869-го Vere исполнилось двадцать пять¹⁰, Николай готовился справить двадцать первый день рождения, а Катя – шестнадцатый. В Гребницкого было сложно не влюбиться – с чудом уцелевшего снимка смотрит стройный скромно одетый целеустремленный юноша с нарочито-небрежно зачесанными назад русыми волосами, волевым подбородком, чувственными губами и едва заметной легкой проницательной усмешкой. Он был умен, талантлив, хорошо образован и не избалован. Избрал ли он Катю в спутницы жизни, или юная Катя увлеклась столичным студентом – не столь важно. 23 января 1870 года молодые сыграли свадьбу¹¹. Хотя что это была за «свадьба» – оба жили настолько бедно, что едва сводили концы с концами. «Меньшая дочь моя выходит замуж за очень бедного человека, <...> у нас остается на житье 100 р. или около, – сокрушалась Варвара Дмитриевна, – Достать для старшей дочери работы не смотря на все старания ни компилятивной ни переводной я не могла. Здешний Губернатор Гн. Лерхе – относился в Министерство внутренних дел прося разрешения для дочери да-

вать уроки музыки. И это было запрещено значит мы совершенно в безвыходном положении.<...>не пускают в Петерб<ург> и здесь не дают возможности заработать кусок хлеба честным трудом. Господи, да что же делать? Дочь выходит замуж и я не могу Ей сделать даже необходимого белья»¹².

В первых числах апреля 1870 года Вера получила разрешение ехать в Варшаву под поручительство двоюродного дяди, надворного советника Сергея Григорьевича Писарева. Как и в прошлый раз, разрешение было согласовано лично с Императором. После выдачи «Свидетельства» на беспрепятственный проезд она немедленно воспользовалась открывшейся возможностью и 19 апреля отбыла на пароходе¹³. В то время как Вера, исполненная надежд на лучшее будущее, покидала пределы России, борьба Николая с чиновничьим аппаратом только начиналась. Заранее заручившись ходатайством Совета Петербургского университета о дозволении ему продолжать обучение в означенном вузе, косвенно подтверждавшем его незначительную роль в беспорядках 1869 года, Гребницкий обратился с просьбой об освобождении от надзора полиции к новгородскому губернатору Э.В. Лерхе. Тот в свою очередь направил прошение министру Внутренних Дел, приложив к нему положительную характеристику новгородского полицмейстера. Однако занимавший пост министра А.Е. Тимашев не признал «это возможным» без какого бы то ни было объяснения причин. Прощение было удовлетворено только 16 сентября.

Варвара Дмитриевна видела причину бед в том, что власти предвзято относились именно к семье Писаревых. По ее мнению, Гребницкого «не возвратили в Петерб<ург> единственно за то что Он женился на Писаревой». «Товарищи его высланные вместе с ним все возвращены и продолжают курс. Да, обрушилось несчастье на целое семейство. Дай Боже силы перенести все гонения», – писала она 30 октября 1870 года¹⁴. Была ли в этих словах правда или это лишь обиды уставшей пожилой женщины? – и да, и нет. Отношение

⁸ Д.И. Писарев в воспоминаниях... С. 422, 430.

⁹ ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2564. Л. 1.

¹⁰ Писарев. Т. 12. С. 469.

¹¹ ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 31.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Л. 6-7. В публикации сохранена орфография подлинника.

¹³ ГАО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2564. Л. 16-19 об.

¹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Л. 10 об.-11.

было предвзятым, но не только к Писаревым. В непростой период земских реформ и становления новых социальных и экономических отношений правящие круги, как в столице, так и на местах, даже в «малейшем уличном шуме» усматривали революционную угрозу. В любой попытке свободно рассуждать на тему будущего страны мерещился заговор, угрожающий «потрясением основ». И вместо того, чтобы вести конструктивный диалог, чиновники предпочитали применять всевозможные репрессивные меры. Новгородский губернатор Эдуард Васильевич Лерхе был добросовестным исполнителем, но никак не относился к числу реформаторов. Говорят, его административное кредо было кратким: «угождать высшему начальству»¹⁵. Этот человек искренне ратовал за улучшение условий арестантов, но в политический процесс не вмешивался.

Неясной в этой истории остается роль князя Александра Аркадьевича Суворова. *«Сестры и мать Писаревы проживали в середине шестидесятых годов в Новгороде, – вспоминал Н.Н. Фирсов, – Жених одной из них, Гребницкий, сосланный студент, имел занятия в губернской земской управе. Когда князю Суворову случалось приезжать в Новгород, он никогда не упускал случая справиться через кого-либо из состава управы об этой семье. И, насколько мне известно, никогда не упускал из вида возможность при первом удобном случае облегчить их положение»*¹⁶. Несмотря на неточность в датировке, Николай Николаевич хорошо владел ситуацией и имел отличную память. В 1861–1870 годы он был председателем дворянства Белозерского уезда и избирался гласным Новгородского губернского собрания, а с 1870 по 1871 год исполнял обязанности председателя Новгородской земской управы. Александр Аркадьевич запомнился современникам как человек прямодушный и импульсивный, придерживающийся большие нравственных посылов, нежели установленных формуляров. Состоя в должности петербургского военного генерал-губернатора, он неустойчиво претворял в жизнь свое убеждение, что «сила монарха должна зиждиться на примирении и благодати, а не на злобствующем насилии». Интуи-

ция подсказывала, что чрезмерно жесткие меры сегодняшнего дня сулят бедствия в будущем. Глубоко убежденный в своей правоте, князь охотно шел на диалог с молодежью и политзаключенными, за что некоторые обвиняли его в излишнем популизме. При этом он до мозга костей был предан «российской короне». После покушения Каракозова на Императора Александра II в апреле 1866 года Суворов был мягко отстранен от государственной службы – его должность была упразднена под предлогом реформирования административного аппарата. Тогда пожилой князь занялся развитием новых реформ – дабы доказать Императору пользу местного самоуправления. Он принимал активное участие в новгородских земских собраниях и называл это «бегством в земство». Когда по возвращении с земских собраний ему доводилось беседовать с царской семьей, он не упускал случая рассказать о происходившем, стараясь привлечь внимание августейших особ к близкой ему теме.

Внимание Александра Аркадьевича к молодой чете Гребницких не было праздным. Семья Писаревых была знакома ему еще с тех времен, когда Дмитрий отбывал заключение в Петропавловской крепости за написание прокламации о Шедо-Ферроти (1862–1866). Писарев считал князя своим покровителем, целиком ему доверял и не раз искал защиты, полностью раскрывая своему благодетелю душу. Именно Суворов ходатайствовал в 1863 году перед Сенатом о разрешении молодому публицисту продолжать литературные занятия, в 1865 году разрешил более продолжительные свидания с родными (три раза в неделю вместо двух положенных), а в августе 1865 года даже обращался к главному начальнику III Отделения князю В.А. Долгорукову с просьбой «предстать с ходатайством к Государю Императору о всемилошнейшем помиловании» Писарева: *«Молодой человек этот, неся заслуженное наказание с покорностью, является, из-за стен крепости, пример добродетели, содержит литературными своими трудами престарелую мать и малолетних сестер; но здоровье его ослабевает, и несчастное семейство может лишиться единственной опоры в жизни»*¹⁷. Да, Александр Аркадьевич был хо-

¹⁵ Мосин.

¹⁶ Земство в произведениях русских писателей. С. 53.

¹⁷ Писарев. Т. 11, с. 493–494 со ссылкой на ГАРФ. Ф. 109. Оп. 37. Д. 230/1862. Ч. 44. Л. 57–58.

рошо знаком с семьей Писаревых и отлично осведомлен о состоянии их дел. Был ему знаком и Николай Гребницкий – но вовсе не как студент-бунтарь.

Николай Александрович Гребницкий родился 26 ноября 1848 года (дата высечена на надгробной плите, в копии метрического свидетельства указано 28 ноября) в селе Кончанском Боровичского уезда Новгородской губернии – родовом имении князей Суворовых. Родителями мальчика были записаны «дворовые люди» Александра Аркадьевича – Александр Яковлевич и Анна Михайловна¹⁸. В доступных на сегодняшний день документах фамилия «Гребницкий» впервые встречается в справке 1859 года из петербургской мецданской управы. Если бы не чудом сохранившаяся метрика, можно было бы предположить, что Николай из семьи небогатых мелкопоместных дворян, статус которых приравнивался к мещанскому. На деле генетическое родство с польским родом Гребницких не выглядит очевидным. Не исключено, что мальчик был внебрачным ребенком одной из высокопоставленных особ. Эту версию косвенно подтверждает тот факт, что в более поздних документах информация о его родителях, дате и месте рождения полностью отсутствует. В послужных списках Гребницкого сформулировано расплывчато: «из податного сословия», включавшего не только мещан, но и незаконнорожденных. Эту же версию подтверждает семейная легенда. Кем именно приходился светлейший князь Николаю, остается загадкой. Не известно и то, кто оплачивал содержание и обучение мальчика в столичной гимназии. Единственное, в чем нет сомнений, это в том, что Суворов знал тайну рождения Коли и внимательно следил за становлением его личности.

Возникает вопрос: почему бывший генерал-губернатор, завсегдатай при царском дворе, не замолвил словечка за бедного студента? Ведь провинность Николая была куда ничтожнее, чем политические убеждения Веры Писаревой. Напрашивается логичный ответ: по-отчески заботясь о пылком юноше, умудренном опытом пронизательный старик постарался «сослать» его как можно дальше от столичных бурь и революционных соблазнов. Быть может,

это его и спасло. Окажись Гребницкий в Петербурге, он вновь оказался бы втянут в политическую круговорот, и неизвестно, чем бы это закончилось, но уж наверняка не получением потомственного дворянства.

Встречается утверждение, что когда надежда возвратиться в северную столицу угасла, Гребницкий изъявил желание поступить в Казанский университет, но ему было отказано. И тогда он выбрал открывшийся на базе лицея Императорский Новороссийский университет г. Одессы (сегодня – Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова). Официальных документов, подтверждающих этот факт, не существует. Разрыв между датой запроса Тимашева о месте, которое хотел бы избрать для продолжения курса наук Николай Гребницкий, и оформлением путевого разрешительного «Свидетельства» от Лерхе составлял всего неделю¹⁹. Для серии официальных письменных согласований с Петербургом этого времени недостаточно. Вероятно, у губернатора на руках имелся некий перечень «открытых» городов, и Гребницкий выбирал из предложенного (письменного заявления от него не сохранилось). Вот как объясняет события тех дней Варвара Дмитриевна: «Зятю моему вместо того чтобы разрешить в Петербургском университете кончать курс – позволили только в один из университетских городов, он и отправился с женой в Одесу, где жизнь чрезвычайно дорога. <...> Вас вероятно удивляет почему зятя мой выбрал именно Одесу – потому что там профессор который Его знает в Петербургском университете за хорошего студента, Г-н Мельников который принимает в нем участие и это много значит»²⁰. Очевидно, речь идет о молодом талантливом зоологе Николае Михайловиче Мельникове (1840–1900). Мельников родился в Казани, состоял приват-доцентом зоологии Казанского университета, в 1868 году получил степень магистра, защитившись по теме «Микроскопические исследования кишечного канала рыб», а в 1869 году стал доктором с диссертацией «Материалы к учению об эмбриональном развитии насекомых». С 1871 года он занимал пост экстраординарного, а с 1873 года – ор-

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3531. Л. 6.

¹⁹ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 49–54.

²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Л. 10 об.-11.

динарного профессора зоологии Казанского университета. Сферы научных интересов двух Николаев заметно пересекались, поэтому вполне вероятно, что именно Мельников был научным руководителем Гребницкого. Таким образом, легенда «о Казани» нашла косвенное подтверждение.

Многие историки называли брак Николая и Екатерины фиктивным. Первым высказал это утверждение князь Николай Николаевич Голицын в труде «История социально-революционного движения в России 1861-1881: *«сестра известного агитатора и литератора, фиктивная супруга учителя Гребницкого, в Одессе»*²¹. Но брак был «фиктивным» только с точки зрения самого Голицына и тех консервативных слоев общества, чье мнение он представлял. Никаких выгод от такого союза Катерина не получала: муж не имел ни титула, ни положения в обществе, ни капитала, он не был видным ученым, писателем или политическим деятелем. Даже если предположить, что брак был нужен исключительно для оформления паспорта и беспрепятственного выезда за границу, и эта версия окажется несостоятельной: согласно «Свода Законов Российской Империи» загранпаспорта имели право получать российские подданные только по достижении 25-летнего возраста (ст. 436, пункт 8 «Устава о Паспортах») ²². Несовершеннолетние могли покидать пределы страны только с родителями, опекунами или мужьями. Но Гребницкий был невезедной, и никто не знал, через какое время с него будет снят полицейский надзор. Николай также не имел выгоды от женитьбы: связывая жизнь с Писаревыми, он получал заведомо предвзятое отношение со стороны властей и заложенное-перезаложное отношение именнице в тульской деревушке. Одно название, что жена «дворянка». Но можно посмотреть на этот союз и под другим углом. Вдумчивая и целеустремленная девушка выходит замуж, едва ей исполняется шестнадцать. Она не хочет дальше обременять измотанную переживаниями мать и спешит начать самостоятельную жизнь. Она готова поехать за мужем хоть в Одессу, хоть на край света, но – не желает быть обузой даже для него. Она независима:

хочет работать наравне с мужчиной, ни в чем ему не уступать, обеспечивать семью, открыто и аргументированно выражать свое мнение. В этом и заключается «фиктивность» – она замужем, но не «за мужем». Сегодня это норма, но во времена Голицына было сродни «смертному греху». Брак Гребницких, действительно, не выдержал испытания разлукой, возник классический любовный треугольник, но это не имеет никакого отношения к «вольной любви», которую приписывают нигилистам.

27 сентября 1870 года Николай Гребницкий вместе с молодой женой сел на пароход и отправился на юг, в славный город Одессу²³. Семья находилась под надзором полиции еще как минимум год. В течение этого времени произошла странная история – одесская полиция умудрилась «потерять» поднадзорного на целых пять месяцев. 19 ноября 1870 года одесский полицмейстер донес градоначальнику, что 21 октября Гребницкий выехал обратно в Новгород. Всю зиму новгородские власти ожидали «беглеца», и только в марте выяснилось, что студент по-прежнему «проживает в Одессе и никуда отсюда не выезжал»²⁴. Мнимое отсутствие не помешало Гребницкому успешно выдержать экзамен и 23 декабря 1872 года закончить Новороссийский университет со степенью кандидата естественных наук.

Об одесском периоде жизни Гребницких не известно почти ничего. Жили по-прежнему бедно, а Одесса – город дорогой. На первых порах Варвара Дмитриевна старалась материально поддерживать дочь. В 1870 году Писаревы получили пособие от русского литературного фонда, выданное при содействии М.М. Стасюлевича. Вероятно, последовало и повторное «вспомоществование», но это была лишь временная мера. Николай занимался изучением черноморской фауны, сочетая научные изыскания с преподавательской деятельностью. Катя тоже была не из тех, кто сидит без дела. Как и старшая сестра Вера, она избрала трудовой путь. Ей было важно не зависеть от окружающих и самой зарабатывать на жизнь. Такая позиция была характерна для семьи Писаревых: Варвара Дмитриевна до старости преподавала сельским детям французский, Вера

²¹ Голицын, с. 92.

²² Голицын, с. 31.

²³ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 58-59; РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Л. 10 об.

²⁴ ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. Л. 67-71.

стала переводчицей, сотрудничала с журналом «Рассвет», газетами «Санкт-Петербургские Ведомости» и «Варшавский дневник». А Катя, надевая мужское платье, мечтала получить современную техническую специальность. Сегодня мы называем таких девушек «пацанками», а в те годы Флорентий Павленков подобрал для Веры странноватое, режущее слух, но исполненное искреннего уважения определение «полумужчина»: *«Ее постоянной мыслью и идеей было не зависеть от других и надеяться только на свои руки и голову. Такие люди не имеют права иметь общепринятых предассудков. Они уже, так сказать, полумужчины и должны вести себя не так, как барышни, которым нужен для всякого выхода из дома ливрейный лакей»* (следственные показания Ф.Ф. Павленкова от 16 сентября 1868 года). И хотя Катиних высказываний не сохранилось, слова старшей сестры как нельзя лучше отражают семейный подход: *«У меня есть только одна любимая идея, но из-за нее я и боролась, и рисковала; эта идея – жить собственным трудом, есть заработанный кусок хлеба, а главное, не быть в тягость моим родителям, сильно страдающим от недостатка средств»*²⁵.

Лето 1871 года прошло в полевых исследованиях, и на следующий год в «Записках Новороссийского общества естествоиспытателей» была опубликована первая научная работа Гребницкого «Материалы для фауны Новороссийского края. Паразиты. Отдел I. Черви». Следующий сезон, скорее всего, Николай провел один. Получить высшее образование в России девушки, даже если они принадлежали к дворянскому сословию, не имели возможности. Для этих целей наиболее энергичные из них уезжали в «свободную» Европу, прежде всего в Цюрих. В 1872 году, прежде чем пересечь границу, Катя заехала в Грунец, последний раз посетив родовое гнездо²⁶. Варвара Дмитриевна не противилась стремлению дочери учиться в Швейцарии²⁷. Даже спустя годы, когда жизнь девушки оборвалась так внезапно и так страшно, мать не убивалась о том, что отпустила ее учиться, и лишь корила себя, что весной рокового 1875-го не прим-

чалась в Петербург и не «спасла» свое «бедное» дитя, не уговорила ее остаться в России. 31 мая 1875 года девушка ушла из жизни.

Биография Екатерины Ивановны.

До настоящего момента историю жизни Екатерины Ивановны Гребницкой никто специально не изучал. Ее рассматривали лишь в контексте биографии брата, известного публициста Дмитрия Писарева. Обычно историки ограничивались характеристикой, данной в труде Н.Н. Голицына (работа написана в соавторстве с С.С. Татищевым). Первое самостоятельное расследование провела сотрудница Пушкинского Дома Евлалия Павловна Казанович, материал опубликован в сборнике «Шестидесятые годы». Тему продолжил современный биограф семьи Писаревых старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН Виктор Игоревич Щербаков. Настоящая работа является попыткой свести воедино все имеющиеся сведения и хотя бы частично воссоздать утраченный образ. Она базируется на архивных документах, письмах Писаревых, трудах, посвященных социально-революционному движению, и всевозможных воспоминаниях современников, напрямую или косвенно касающихся темы. В числе последних следует отдельно отметить переписку Ольги Гурамишвили и Николая Николадзе – она идеально сочетается с расследованием Николая Голицина, при этом являясь своего рода зеркальным отражением, наполненным красками жизни и искренними переживаниями.

Через девять месяцев после страшного события В.Д. Писарева решила поделиться переживаниями с племянницей Марией Александровной Маркович (1833-1907; урожденной Вилинской). В 1868 году женщины не ладили – обе претендовали на ведущую роль в жизни Дмитрия, но время стерло былые обиды. Варвара Дмитриевна была уверена в добром расположении Марии к покойной Кате и надеялась, что через нее удастся выяснить хоть какие-то детали трагедии. Убитая горем мать раскрылась во втором письме, написанном в четыре приема – с 3 по 8 апреля 1876 года²⁸. Текст читается

²⁵ Писарев. Т. 11, с. 481 со ссылкой на ГАРФ, Ф. 95. Оп. 1. Д. 426. Л. 83.

²⁶ РО ИРЛИ. № 9550. Л. 4.

²⁷ Голицын. С. 26.

²⁸ РО ИРЛИ. № 9550. Л. 3-8 об.

с трудом и ранее не публиковался. Французскую часть распознала и перевела пани Янина Ходера – филолог Университета им. А. Мицкевича (г. Познань, Польша), сегодня на пенсии. Ей помог выпускник университета пан Ежи Стычински (г. Талан, Франция).

Детство и юность. Этапы формирования личности

Катя Писарева родилась 17 ноября 1853 года²⁹ в семье отставного штабс-капитана Новороссийского драгунского полка Ивана Ивановича Писарева (1815-1892) – местного доджуана с утонченными манерами, холемым телом и явной склонностью к нарциссизму. В зрелые годы он занимал пост новосильского мирового судьи. Супругой Ивана Ивановича была небогатая елецкая помещица Варвара Дмитриевна, урожденная Данилова (1815-1880), – невысокого роста, энергичная, добродушная и несколько восторженная женщина. Родные всегда отзывались о ней с теплотой. «*Ее скромная многострадальная могила, <...> могла бы, по всем правам, сделаться местом поклонения богомольной толпы русских матерей и воспитательниц, если бы жизнь покойной была известна не малочисленному только кружку родных и друзей, а публике в самом обширном значении этого слова*», – писала в память о тете Раиса Гарднер (в девичестве Коренева)³⁰. Всю свою жизнь Варвара Дмитриевна посвятила детям: «*в ней проснулася страстная мать, не знаящая для себя никакой высшей, ни вообще какой-либо иной задачи в жизни, как воспитание*» сына и последовавших за ним двух дочерей. Всегда стесненная в средствах, не имея на руках никакой детской к., тем более, педагогической литературы, она открыла у себя в имении подбине пансиона для детей таких же, как и она сама, небогатых помещиков Задонска, Москвы и Петербурга. К началу шестидесятых Писарева уже имела солидную педагогическую практику.

Варвара Дмитриевна родилась в такое время, когда в богатых помещичьих семьях «не только дочери, но даже и сыновья не получали почти никакого образования». Ее обучили французскому, не-

много музыке и – выдали замуж. Отсутствие «научных познаний» не помешало наделенной от природы ясным умом русской женщины разработать собственную методику преподавания, основанную не только на заучивании иностранных слов, но также на понимании и умении применять полученные знания. Варвара Дмитриевна обладала еще одним редким педагогическим даром – она не боялась «потерять свой авторитет, обнаружив незнание того или другого правила» и сумела приучить детей «действовать разумными доводами, а не авторитетом личности». Ей помогала немка-гувернантка Юлия Блез. Обе из всех сил старались привить «любовь к учению и знаниям вообще». Недаром одна из первых молитв состояла в том, чтобы дети просили у Всевышнего ниспослать им «понятия к наукам». Праздность и туеядство в этом доме были недопустимы.

Именно в такой атмосфере росли Митя и Вера. Несмотря на то, что Писаревы жили в глухой провинции, привитые им навыки были столь хороши, что одиннадцатилетний Митя, прибыв в петербургскую гимназию в середине учебного года, был зачислен сразу в третий класс. Девочки не обладали его феноменальной памятью, но и их уровень был довольно высок. Катино детство протекало не так, как нежные годы старших брата и сестры. В 1850 году семья Писаревых переехала из селения Знаменского Елецкого уезда Орловской губернии в «село» Грунец (Бутырки) Новосильского уезда Тульской губернии (сейчас Новосильский район является частью Орловской области). Переезд был связан с разделом наследства между Иваном Ивановичем и его братьями Константином и Сергеем Писаревыми. В Знаменском стоял просторный дом в два этажа, его окружал большой сад и живописные окрестности. Грунец же был лишен даже тех привилегий, которыми может похвастать почти любая деревенская местность: «*ни тенистого сада, ни реки, ни красот, и эта клеть вместо дома*»³¹. Материальное положение Писаревых год за годом ухудшалось, и к середине 1850-х годов именно пришло в упадок и даже было заложено. Семья жила в долг. Чтобы не лишиться крыши над головой, Варвара Дмитриевна была вынуждена начать брать на воспитание детей знакомых помещи-

²⁹ Писарев. Т. 12. С. 39, 62.

³⁰ Гарднер. С. 1007.

³¹ Д.И. Писарев в воспоминаниях... С. 8, 105, 362.

ков. Она при всем желании не могла уделять младшей дочери столько же внимания, сколько старшим.

И все же Катя была желанным и долгожданным ребенком. «С каким беспокойством ожидал я нисем в прошлом году и как был счастлив, когда узнал новость о рождении моей маленькой, дорогой сестрички!» – писал в своем Дневнике четырнадцатилетний Митя³². Несмотря на разницу в возрасте, во время летних каникул он с удовольствием нянчился с малышом: «Сегодня мы поднялись на заре, как вчера советовала нам Мама, и вырвались на вольный воздух, запаслись яблоками; Катя была с нами. Приблизительно после часа ходьбы мы очутились в лесу; расстелили ковер и отдохнули на нем, поели яблок, а поскольку мы позаботились взять с собой Купера, то прочли 6 глав «Шпиона». Наконец нарастающая жара и положение солнца дали нам понять, что пора повернуть назад. <...> Катя, такая веселая в лесу, начала плакать – она не любит дороги, особенно если жарко. После утомительного похода мы добрались до дома, и когда вступили на порог, был полдень. Славно мы погуляли – 4 часа»³³.

Пока сестренка была совсем маленькой Митя нередко называл ее Какас. Откуда взялось это узкосемейное прозвище, сказать сложно. Не исключено, что смысловым подтекстом была «горошинка», «чечевичка»: «Мы простились с дорогой Какас, которая отправилась домой, и я мог видеть ее прелестное личико, глядевшее на нас из-за плеча кормилицы». На тот же манер он называл и маму: «Вера была больна, и моя дорогая Какас перенесла сильное нездоровье. Бедный дружок Какас! Начались несчастья ее маленькой жизни! Все наши чувствуют себя хорошо; милая Мамас также ни на что не жалуются»³⁴. Но как только в 2 года и 2 месяца малышка начала разговаривать, Митя разглядел в ней личность: «Возможно ли, что Катя уже все говорит? Если она говорит и понимает, скажи ей, что я ее целую, и напиши мне, что она мне ответит», «Да, впрочем, нет, ведь я все буду «ляляка», – лучшие Кати никто меня характеризовать не мог»³⁵.

Когда в сентябре 1856 года Митю зачислили в Петербургский университет, близился третий Катин день рождения. Осталось ли что-то в детской головке от студенческих теорий брата? «Теорию гармонизма», согласно которой высший нравственный долг заключается в нравственном развитии и бескорыстном служении науке или искусству, пятилетний ребенок в общих чертах уловить мог. Тем более, что Катя была очень умненькой и не по годам развитой девочкой. Варвара Дмитриевна вспоминала, как в июле 1859 года, когда в Грунце гостили Митя и его друг Николай Трескин, они сообща сели читать недавно опубликованный роман Гончарова. Катя слушала «Обломова» с таким удовольствием, что не хотела идти спать. Наутро следующего дня, когда мать с трудом вставала ото сна, малышка произнесла: «Мамаша, вы точно Обломов ленивые такие»³⁶. Но какое впечатление произвели на шестилетнюю Катю разительные перемены в брате и его новый подход «разумного эгоизма»? Старшая сестра, обожавшая Митю и стараясь во всем ему подражать, при всем желании так и не смогла постичь логики его умозаключений. Вера была натурой более чувственной. А вот Катя – другое дело... При всей разнице в возрасте она была ближе брату по умственному складу. Но каким образом события и споры тех лет преломлялись через призму детского сознания, остается только предполагать.

В декабре 1859 года произошло страшное событие – Митя оказался в психиатрической лечебнице Ф.А. Штейна в состоянии тяжелой депрессии. В начале следующего года мать со старшей дочерью поехали к нему в Петербург. Взрослым было не до Кати, и на долгое время девочка осталась со своими тревогами один на один. Но в апреле брат вернулся, и она плакала от радости вместе со всеми.

Когда Кате шел девятый год, 3 июня 1862 года, семья перенесла новое потрясение – Дмитрия арестовали и заключили в Петропавловскую крепость за написанием содержавшей призыв к свержению самодержавия прокламации «Глупая книжонка Шедо-Ферротти...». Первое свидание было разрешено матери только в конце апреля следующего года. Все силы Варвары Дмитриевны были направлены

³² Писарев. Т. 12. с. 39, 62.

³³ Писарев. Т. 12. с. 43.

³⁴ Писарев. Т. 12. с. 47, 56.

³⁵ Писарев. Т. 11. с. 131–132, 141.

³⁶ Д.И. Писарев в воспоминаниях... С. 107.

на моральное поддержание попавшего в беду сына, ходатайства о смягчении условий содержания и разрешении продолжить литературные занятия. 24 июня приказом генерал-губернатора А.А. Суворова просьба матери была удовлетворена. Но хлопот не убавлялось. Все надеялись на скорое освобождение из-под стражи, меж тем заключение продлилось до ноября 1866 года. За непрекращающейся суетой, болезнями и хроническим недостатком финансов семье было не до Кати. Даже мать видела в подростке только утешение, а не личность, формирующуюся в крайне непростых условиях: «так много радости и утешения сулила она, так была полна жизни»³⁷. Ни в письмах, ни в дневниках не сказано ни слова о ее становлении и переживаниях. Одна только Вера, получившая весной 1864 года первый педагогический опыт в должности гувернантки, обеспокоилась насчет неких упущенных Катей знаний или возможностей. На что брат ее успокоил: Катя – человек умный и «успеет наверстать» все потом³⁸. За что именно терзали старшую сестру упреки совести, неизвестно.

В начале 1864 года Митя стал просить мать приехать в Петербург на «долго, ужасно долго, до самого до конца». Варвара Дмитриевна планировала приехать в феврале, но состояние здоровья и ожидание денежного перевода позволили покинуть пределы Грουνца только в июле. На этот раз она взяла с собой Катю. «Друг мой, прошу тебя, увидительно прошу тебя взять ее с собою, – писал из крепости Митя – Я люблю в ней хорошее и умное существо, из которого при дружеском руководстве может выйти превосходная женщина. Мне очень хочется ее видеть и говорить с нею, и нам необходимо узнать друг друга покороче. Я знаю, что могу быть ей полезен, и потому люблю ее, хотя имею о ней очень неясное понятие. <...> Если бы ты была принуждена просить здесь приюта у каких-нибудь родственников, то может быть, Катя действительно стеснила бы тебя; но так как ты будешь жить барыней, то кроме удовольствия и пользы Катя ничего не доставит ни себе, ни другим. Заболевать ей не от чего. Здоровая, почти одиннадцатилетняя девочка навер-

ное меньше тебя подвержена опасности заболеть. <...> Потом, ты не будешь стремиться назад в Гронец, если этот кот будет сидеть возле тебя. <...> Ей самой будет очень полезно посмотреть на Петербург». <...> ты посмотришь, как я буду разговаривать с Катей, с каким искренним удовольствием я буду выслушивать ее и спорить с нею»³⁹. Десятилетняя Катя и сама мечтала попасть в северную столицу.

5 апреля 1865 года Катя поступила в IV Петербургскую женскую гимназию, располагавшуюся в доме Оверина по Большой Дворянской улице (совр. Куйбышевской)⁴⁰. В скором времени девочка зарекомендовала себя как «нигилистка». Негативное отношение к этому молодежному направлению наглядно иллюстрирует запись в дневнике писателя Федора Решетникова, сделанная 7 января 1866 года: «Женщины и преимущественно девицы ходят без кринолинов, с обрзанными волосами, с книжками: это нигилистки. И за ними волочатся очкастые, длинноволосые нигилисты... Эти особы говорят по-ученому, но ничего не понимают, их можно резать с книжкой, но она будет хвастаться, а не объяснять; <...> Как-то к старой хозяйке Дороговой пришла 12-летняя сестра Писарева за кушаньем. Хозяйка заметила, что у нее плохо растут волосы.

— Я нигилистка, – сказала девочка.

— Что же это такое?

— Я в бога не верую, ничего не признаю...»⁴¹

Низкопробное описание Решетникова было сделано «на злобу дня», но определенный штрихи к портрету добавляет. Да, Катя ходила с едва достигающими плеч распушенными волосами, носила очки и много читала. Где-то рассуждала грамотно, в чем-то заблуждалась, но всегда, как было заведено в семье Писаревых, придерживалась «разумных доводов» и не доверяла «авторитету личности». Атеистическую позицию она позимствовала от брата, с которым виделась регулярно. За время жизни в Петербурге она увидела и услышала много такого, что не предназначалось для юной неокрепшей души: приговор брату, продливший его заточение еще

³⁷ РО ИРЛИ. № 9550, л. 13 об.; Листи до Марка Вовчка, с. 163.

³⁸ Писарев. Т. 11. С. 236.

³⁹ Писарев. Т. 11. С. 243–245.

⁴⁰ Шестидесятые годы. С. 164.

⁴¹ Решетников. С. 179.

почти на три года; слепую бессмысленную злобу, с которой его, беззащитного и запертого в крепости, преследовала царская цензура; предложенную комендантом жестокою меру перевести публициста в Шлиссельбургскую крепость, где исключались любые свидания и литературные занятия... Груз вселенской несправедливости камнем лег на сердце провинциальной девочки и заставил ее быстро повзрослеть. Это был уже не тот открытый «ласковый кот». Катя втянула голову в плечи, поджала губки, но решила бороться за свои права и не отступать.

18 ноября 1866 года Дмитрий был досрочно освобожден из-под стражи и поселился с матерью и сестрами в доме Зуева на Малой Дворянской улице⁴². Казалось, жизнь стала понемногу налаживаться, но в феврале 1867 года произошла новая неприятность – конфликт в Катиной гимназии.

Петербургская (с 1872 года – Петровская) женская гимназия была учреждена в конце 1858 года. Согласно составленным в либеральном духе «Правилам внутреннего порядка» в ней категорически запрещались любые телесные наказания (в отличие от ряда других школ). Но Катерина получила от классной дамы (надзирательницы) две пощечины. Этот факт был отмечен в 5-м номере «Женского Вестника», заметка в форме фельетона вышла за подписью «С.»: «... некая воспитательница дала две пощечины девочке <...>. Я слышал даже, что храбрая женщина прислала в редакцию какой-то газеты письмо, где пишет, что она дала только одну пощечину, и то маленькую...». Некоторые подробности скандала стали известны из рассказа свидетельницы событий, выпускницы 1867 года Елизаветы Николаевны Паруновой (в замужестве Михневич): «Дело это дальнее того, где произошло – не пошло, а это было в раздевальной. Писарева сказала какую-то дерзость Анне Николаевне Львовой, а та дала ей за это пощечину. Свидетели этого были: я и моя сестра, и еще две сестры. Те две сестры сказали, что будут свидетельницами, но родители им этого не позволили; я же и сестра строгой купеческой семьи, и даже не посмели заявить о том, что

произошло, так как отец наш был очень строг: всегда были правы стоящие над нами, и мы об этой истории даже пикнуть не смели дома. Таким образом инцидент этот не имел продолжения; только мы между собой повозмущались, и тем дело и кончилось. Екатерина Писарева, совсем тогда девочка, вообще вела себя вызывающим образом». «Писарева Екатерина была при мне в младших классах, девочка, с короткими волосами, бойкая, дерзкая и носила на себе тип нигилистки, в то время входивший в моду. Осталась ли Писарева в гимназии после того, как я ее окончила – не помню... Сочувствие гимназисток все же было на стороне Писаревой, А.Н. не любили» (приведены выдержки из писем Е.Н. Михневич к Е.П. Казанович от 9 и 13 марта 1916 года)⁴³. Анна Николаевна исполняла обязанности классной дамы в младших классах. Ее мать (или старшая сестра), Елизавета Николаевна Львова, работала старшей надзирательницей. Обе не имели семей и, как считалось, потому отличались раздражительностью.

Вопреки воспоминаниям Елизаветы Михневич, инцидент имел продолжение. 19 февраля Дмитрий Писарев поехал к магистру русской словесности Николаю Алексеевичу Вышеградскому, принимавшему в свое время непосредственное участие в учреждении женских гимназий. Он уже был в курсе произошедшего и сообщил, что попечитель женских гимназий принц Петр Георгиевич Ольденбургский назначил Писаревым аудиенцию в понедельник 20-го в три часа пополудни в IV Отделении собственной Его Величества канцелярии. Инспектору гимназии Ивану Осиповичу Планкелю также было велено явиться (он преподавал историю и географию). Дмитрий так описывал этот день: «В понедельник мы с Катей, весьма прилично одетую и гладко причесанную, отправились в путь. Я был во фраке, состоящем при редакции «Дела» на случай таких непредвиденных свиданий с важными особами. <...> Но погода была ужасная: снег с легким ветром, так что на Неве буквально невозможно было проглянуть; пока мы доехали до IV отделения <...>, у меня на бороде накопились целые ледяные горы. Приехав, мы тотчас повидались с Планкелем, и Катя с благоговейным вниманием выслу-

⁴² Д.И. Писарев в воспоминаниях... С. 213, 292 (воспоминания Скабичевского; письмо Тургенева Анненкову).

⁴³ Шестидесятые годы. С. 164.

шала от него инструкцию, как вести себя во время предстоящего разбирательства. Смысл инструкции состоял в том, чтобы говорить отчетливо и спокойно, не жестиковать, не перебивать противную сторону, не возражать против ее обвинений и вообще постоянно выжидать вопросов принца и отвечать только на эти вопросы. <...> Пришлось нам подождать около полчаса; наконец, нас позвали в кабинет, и вместе с нами вошли Львовы, мать и дочь; первая – директриса, вторая – классная дама, заварившая всю историю. <...> замечу только, что Катя вела себя с таким присутствием духа и с таким спокойным достоинством, какого я от нее не ожидал, несмотря на все мое уважение к ее уму и характеру. Я боюсь только одного: мне кажется, что мы вели себя чересчур хорошо, то есть, когда Львовы клеветали на Катю, мы оба молчали, ожидая вопроса, а вопросов не последовало; <...> Одним словом, вся сцена имела вид нотации, прочитанной Кате. Но, когда нас отпустили, то Львовы и Планкель остались в кабинете; что происходило потом, этого я не знаю; <...> я не хочу увлекаться розовыми надеждами, и мы совершенно освоились с той мыслью, что дело наше может быть окончательно проиграно, что Львова останется на своем месте и что, следовательно, Кате придется выйти из гимназии»⁴⁴.

Дмитрий Иванович ожидал от аудиенции окончательного вердикта и некого подобия торжества справедливости, но попечитель не собирался вникать в суть мелких конфликтов, его интересовал лишь сам факт применения физического воздействия. В конечном итоге, судя по адрес-календарю гимназии за 1868 год, обе дамы были уволены, а Катя «выбыла в Мариинскую гимназию в 1867 году». Согласно «Именной книге воспитанниц Петербургской женской гимназии в Санкт-Петербурге» последняя плата за ее обучение в размере 20 рублей была внесена по 14 января 1867 года⁴⁵.

Семья Писаревых жила в Петербурге до начала июня. Но поскольку в мае Дмитрий порвал отношения с издателем Г.Е. Благовосветловым, а в «Отечественных записках» Некрасова видной позиции не занимал, его заработки стали носить случайный характер,

вновь возникли финансовые затруднения, и Варвара Дмитриевна с Катей были вынуждены перебраться в деревню.

В начале 1867 года из-за границы вернулась троюродная сестра Дмитрия Мария Александровна Маркович (урожденная Вилинская, больше известная по литературному псевдониму Марко Вовчок). Между творческими людьми завязались близкие отношения, и Писарев переехал к ней в «дом Лопатина» по адресу: Невский проспект, 98. Варвара Дмитриевна хотела вернуться в Петербург и в августе просила найти в том же доме маленькую комнату для себя и Кати. Она была готова даже занять денег на стороне. Мать старалась не оставлять Митеньку одного и неустанно опекала его, тем более что после освобождения из крепости у него вновь начали проявляться симптомы нервного заболевания. Но просьба осталась без ответа. Дела с журналом «устроились» только в январе следующего года, и Митя вновь стал «тянуть, манти» к себе сестру и мать⁴⁶. Они приехали 10 января и остановились, как планировалось, в доме Лопатина. Катя стала посещать гимназию, на этот раз Мариинскую. Но из-за сложностей, возникших в отношениях между Варварой Дмитриевной и Марией, в мае они вновь отбыли в Гронец. Это были последние четыре месяца, проведенные вместе. 4 июня Мити не стало.

Мать была настолько убита горем, что не смогла приехать на похороны любимого сына. Не было там и Кати. Ее отправили в Москву к двоюродной сестре Раисе Гардиер. С 9 сентября Катерина стала ученицей Третьей московской женской гимназии. 15 сентября 1868 года Раиса писала тетушке: «Катя довольна и гимназией, и своими новыми товарками, и даже на славянский язык не особенно ропщет» <...> А ведь тут была известна ее история в петербургской гимназии, и здешняя директриса княжна <Е.С.> Горчакова спрашивала ее об этом. Она же меня спрашивала, не заражена ли Катя нигилизмом... Как это все глупо!». По словам Раисы, училась Катя неплохо, хотя и «с ленцой»⁴⁷.

Реакционные настроения в обществе росли, а вместе с ними – настроенное отношение ко всему, что носило «революционный»

⁴⁴ Писарев. Т. 11. С. 276–278.

⁴⁵ Писарев. Т. 11. С. 516 со ссылкой на РГИА СПб. Ф. 369. Оп. 1. Д. 2. Л. 92.

⁴⁶ Д.И. Писарев в воспоминаниях... С. 127–128, 134.

⁴⁷ Писарев. Т. 11. С. 516 со ссылкой на РГБ ОР. Ф. 178. К. 8308. Д. 14. Л. 77об.

окрас. Предвзятые суждения со стороны администрации гимназии привели к новому конфликту, и в начале следующего учебного Катя была исключена. «Мама, душенька, Бога ради, не сокрушайтесь Вы о том, что Катю исключили, – писала 16 октября 1869 года Раиса Гарднер, – Да и наконец что же ей было делать, когда к ней все время придирались без всякой справедливости. Вы прочтите письмо директрисы ко мне, в котором она зовет меня приехать; ведь подумаешь, что Катя какое-нибудь побоище учинила; между тем ничуть не бывало: Катя и не подозревала, а уж там все ее бумаги были наготове, чтобы отдать мне их. Ну и шут их возьми, а сокрушаться право не о чем<...> а главное, что тут горю нельзя было помочь: Катя и так сдерживала себя и была так осторожна, как я и не ожидала, но если все-таки в ней находят какой-то зловерный дух и ставят ей в преступление, что она выразила желание по окончании курса сделаться телеграфисткой, – так ведь от таких преступлений невозможно уберечься»⁴⁸. После отчисления Катя поехала к матери и сестре в Новгород. Через несколько месяцев она вышла замуж и вскоре уехала в Одессу, обретя долгожданную независимость.

(Окончание в следующем выпуске)

⁴⁸ Шестидесятые годы. С. 165.

М. Дубровская.

Дневник из эпохи Великой Отечественной войны. Продолжение (тетрадь № 2)

При прочтении Дневника может создаться впечатление, что все орловцы были рады приходу немцев. Но это совсем не так. Просто на поверхность всплыли именно те люди, которые были враждебно настроены по отношению к советской власти, а от немцев ждали для себя лучшей жизни. Естественно, что именно они в первую очередь бросились в глаза автору Дневника.

В следующих тетрадях Дневника впечатление М. Дубровской меняется.

14/X [1941]. Старый праздник, в деревне его помнят – Покров день...

Вся деревня веселая, праздничная, напекла белых лепешек, наварила лапши, мяса... Детишки моей хозяйки целый день ели домашнюю булку, ходили с вымазанными кашей ртами. Маленькая девочка Нинка кричала – «У нас сегодня и лапша, и каша, и мясушка много».

... Мы с сыном ели только горох и картошку. Хозяйка дала Сереже тарелку лапши. «Уж очень он ребятам хорошие игрушки делает». Днем ходили по деревне, утопая в грязи, никому не нужные, чужие. Хотелось в город, к своим. Но я даже не знаю, живы ли они. А если живы, то голодают еще больше, чем мы.

Было страшно думать – что же дальше? Даст ли нам работу новая власть, или оставит медленно умирать с голоду.

И это за 22 года упорной, непрерывной работы. И все-таки я страстно хочу жить, работать. Мне странно бродить целыми днями без дела. Вот поэтому-то, наверное, я снова взялась за дневник, как давно когда-то в юности. Кроме того, мне кажется, что видишь и слышишь в деревне в эту тяжелую для нашей земли годину... И опять, как в 1919 г., я снова стою перед бедствиями беспомощной и

Тургеневский ежегодник 2018-2019 года/
Сост. и ред. –
Л.В. Дмитриухина, Л.А. Балыкова. – Орел:
Издательский Дом «ОРЛИК», 2019. – 382 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

© БУКОО Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева, 2019
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Л.В. Дмитриухина. Музейный калейдоскоп</i>	6
---	---

I

Тургеневу 200 лет

<i>Л.В. Герашко, В.А. Лукина. 200-летний юбилей И.С. Тургенева в Пушкинском Доме</i>	13
<i>Р.Р. Крылов-Иодко. Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева г. Москвы – 200-летию писателя</i>	24
<i>Л.А. Балыкова. Приношение Тургеневу</i>	36
<i>Е.В. Алехина. «Дело об утверждении общества Мценской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева и открытия им в г. Мценске библиотеки»</i>	44
<i>Е.В. Полянская. Остоженские страницы творческой биографии И. С. Тургенева</i>	51
<i>А.Н. Бабенкова. Клавдий Васильевич Лебедев – иллюстратор «Записок охотника» И. С. Тургенева</i>	65
<i>С. П. Минина. И.С. Тургенев и К. А. Коровин: предчувствие импрессионизма</i>	72
<i>Т.А. Тимашева. Тургеневские мотивы в творчестве заслуженного работника культуры РФ Ж.А. Травинской</i>	84
<i>С.Д. Симонова. Произведения И.С. Тургенева в кинематографе (продолжение)</i>	97

II

Путешествие с Тургеневым

<i>Е.Н. Ашихмина. Дворяне села Волкова Мценского уезда – друзья Тургенева и Фета</i>	104
<i>Е.И. Клочкова. Дневник путешествия по тургеневским местам Европы (посвящается юбилею писателя)</i>	122
<i>Р.В. Ермаков. Встреча в Буживале</i>	128

III

Научные исследования и сообщения

<i>С.И. Труфанова.</i> Книги из мемориальной библиотеки Н.С. Лескова как свидетельство связи писателя с Министерством народного просвещения.....	135
<i>Л.Г. Солодухина.</i> Новиков и Чехов.....	140
<i>Т.В. Абинякина.</i> Паломничество к болховскому священнику (к вопросу о духовно-правственных исканиях М.М. Пришвина).....	144
<i>Г.Н. Павлова.</i> Потомки М.М. Пришвина.....	156
<i>М.Е. Петухова.</i> Век Евгения Аграновича.....	172

IV

Наши публикации

Опись имущества чернского помещика Николая Сергеевича Тургенева (публикация и вступительная статья <i>С.Л. Жидковой</i>).....	193
<i>С.А. Ипатова.</i> Скульптурный портрет И.С. Тургенева работы А.Н. Беляева (1851) и его история.....	216
<i>Н.А. Татаренкова.</i> Семейная драма Николая Гребницкого (окончание).....	231
Письма племяннику: Вадим Андреев – Александру Вагину (публикация и предисловие <i>Л.Н. Кен</i>).....	251

V

Из собрания ОГЛМТ

<i>Л.М. Маричева.</i> Экспонаты рассказывают. «Лицо иконописное...» (к портрету Б.К. Зайцева).....	291
<i>Е.М. Шинкова.</i> «Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца...» (по материалам фонда № 14 «И.А. Бунин» коллекции ОГЛМТ).....	297

VI

Из истории музея: годы, люди, судьбы

<i>Е.Н. Ашихмина.</i> Тургеневский музей: посетители начала 1920-х годов.....	313
<i>В.Г. Ветрова.</i> Из Тарту – в Орёл (о письмах и публикациях Вальмара Адамса).....	330
<i>А.И. Кондратенко.</i> Жизнь посвятил Тургеневу (95 лет со дня рождения Б.В. Богданова).....	348
Памяти Раисы Митрофановны Алексиной.....	358
<i>Н.И. Белинская.</i> Музей писателей-орловцев в рамках туристического проекта «Императорский маршрут».....	361

VII

Творчество друзей музея

<i>Л.Н. Иванова.</i> Город Орёл.....	369
Осенние мотивы.....	371
Стихи о детях.....	374
<i>Растко Говедарица.</i> Новый рассказ о воробье.....	376
<i>Нина Тюленева.</i> Иван Сергеевич, останьтесь с нами.....	377
<i>Татьяна Волкова.</i> По тургеневским местам.....	378

упомянут в газете, выходявшей в городе Тургенева, как дар его землякам: "Председатель елецкого окружного суда г. Языков подарил орловскому дворянству бюст И.С. Тургенева. Как нам передавали, он был дружен с И.С. Теперь этот бюст привезен и помещен в Дворянском собрании". Гипсовый слепок, очевидно, именно с этого подарка, оригинал которого донныне удерживается в Орле, и встречает посетителей флигеля³⁸ в Спасском. Таким образом, становится ясным, что до 1918 года, года образования музея Тургенева в Орле, бюст находился в Дворянском собрании, откуда и был, очевидно, передан в музей.

Изложенная история самого раннего бюста писателя работы А. Н. Беляева не исчерпывает всех обстоятельств и деталей его создания, а также дальнейшей судьбы этого великолепного скульптурного портрета, оказавшегося после революции в Орловском объединенном государственном литературном музее.

³⁸ Громов В. Два бюста И.С. Тургенева (Предисловие к путеводителю). С. 5. Обнаруженную Громовым заметку «Дар дворянству» см.: «Орловский вестник», 1911. 25 мая. № 128. С. 2. Б.п.

К сожалению, исследователь не сообщил, что владелец бюста М.А. Языков не мог быть дарителем, поскольку умер в 1885 г. Нам удалось установить инициалы председателя окружного суда г. Ельца: С.М. Языков (см.: Елецкая жизнь. 1909. 24 ноября. № 19. С. 3); вероятно, дарителем выступил сын М.А. Языкова и Е.А. Языковой Сергей (1851 г.р.), биография которого неизвестна.

Заявление ученого, что оригинал бюста «удерживается в Орле» оснований под собой не имеет. – Ред.

Н. А. Татаренкова
с. Никольское, Камчатский край

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА НИКОЛАЯ ГРЕБНИЦКОГО (Окончание)

Учеба и революционная деятельность в Швейцарии.

В 1860-1870-х годах Швейцария считалась страной «политических изгнанников». Преследуемые царской полицией общественные деятели, публицисты или просто свободомыслящие граждане уезжали за границу, переноса центр политической активности из России в Европу. Молодежь направлялась главным образом в Цюрих и там поступала в университет и политехнику. Для большинства из них на первом месте стояла учеба без какой бы то ни было политической подоплеки, но со временем агрессивная политика российского Министерства Внутренних Дел, усматривавшего бунт в каждой научной дискуссии и революционный митинг в любом собрании, существенно увеличила ряды оппозиционеров и лиц, сочувствующих социально-революционному движению. В политическую деятельность оказались втянуты даже те, кто прежде о подобном не помышлял. К началу 1870-х годов в Швейцарии образовалась целая «лаборатория русского революционного дела». Здесь формировались тайные общества и обсуждались долгосрочные программы, непрестанно работал типографский станок и подготавливались эмиссары для нелегального пересечения границы и доставки прокламаций.

К концу 1860-х годов поток иммигрантов из Российской империи увеличился. В 1872 году был отмечен «неожиданный прилив русских женщин, замужних и девушек», вызванный возникшей потребностью получать высшее образование и потом самим зарабатывать на жизнь. Эта потребность, в свою очередь, была обусловлена зарождением по-

вых экономических отношений, сопровождавшихся обеднением многих дворянских родов и чиновничьих семей. Если прежде число российских студентов не превышало 20 человек, то в весенний семестр 1872 года в одном только политехникуме их училось около 105 (по воспоминаниям В. Фигнер). В общей сложности за 1872-1873 годы в Цюрих прибыло около 140 девушек. Ехали отовсюду: «из Одессы, из Томска и даже из Темир-Хан-Шуры», преобладали выходцы из провинции. Для многих стимулом стал пример Надежды Прокопьевны Сусловой (по первому мужу Эрисман), защитившей в 1867 году докторский диплом. «...прежний друг мой Надежда Суслова выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка – редкая личность, благородная, честная, высокая!» – писал о ней Ф.М. Достоевский. В начале 1870-х годов Эрисман имела практику в Петербурге, но регулярно выезжала за границу, посещала Цюрих и по мере сил морально и материально помогала своим юным последовательницам¹.

Некоторые студенты были людьми обеспеченными, но в большинстве своем жили скромно, зачастую даже бедно. Иные не имели необходимых на содержание 400-500 руб. годовых и пользовались помощью русской коммуны. Сформировавшаяся в начале 1870-х годах коммуна существовала на средства пожертвований приезжих менсенов и агитационных сборов. Поскольку коммуна пользовалась сочувствием русской молодежи и либеральных газет, такие сборы проводились во многих городах России. В мае 1873 года эмигрантское сообщество купило небольшой дом у швейцарца Гефеля, по адресу Flunternstrasse, 3 (продан осенью 1873 года после правительственного вызова студенток). Домом заведовали Александр Лобов и Алексей Филиппов, муж Веры Фигнер. В нем разместили библиотеку и кухмистерскую, проводили совещания и читали лекции. Соборания проходили по субботам и воскресеньям – в шумных беседах и спорах, выборах членов общественных касс и комитетов и т.п.: «Все время проходит здесь в собраниях, на которых совещаются – каким образом нападать на ту или на другую партию, и что наконец сделать, дабы Россию привести в лучшее состояние, произведя в ней радикальный переворот»².

Цюрихские домовладельцы неохотно сдавали квартиры под кухмистерские и нередко отказывали в найме студенткам: «...мы бегали по улицам Цюриха, высунув языки от жары, и отыскивали квартиру. Но, ужас! Везде нас с презрением выгоняли: нет, мол, квартиры! А оказалось, что «для вас нет», потому что на другой день в «Утреннем часе» объявлялось об этой самой квартире. <...> Наконец, в один прекрасный день, мы шли и набрали на какую-то помещанную старуху, которая предложила нам воробьиное гнездо», – писала княжна Ольга Гурамова. С этой же проблемой столкнулись и так называемые «фричи». Странное название как раз и пошло от имени хозяйки-швейцарки, на квартире у которой жили некоторые из них.

«Русский дом» служил не только местом встреч, но и жилищем для многих приезжих. В нем останавливался П.Л. Лавров (компания в нижнем этаже здания), жили супруги Филипповы, дворянки елецкого уезда сестры Субботины, приехавшая из Одессы вместе с сестрой Репсимия Туманова и многие другие. Среди них и Катя Гребиницкая. В письме от 26 декабря 1872 года она так описывала мужу свою жизнь в Цюрихе: «Лавров живет со мною по одному коридору; выказал желание со мною познакомиться, и я тоже очень не прочь от знакомства. На днях он читал лекцию о значении Славян в истории мысли. Лекция прочитана очень хорошо. Говорил о двух основных движениях Славян, которые имели влияние, и большее, на Европейскую мысль. У Болгар учение Богомилова, а у Чехов – Иоанн Гусс. Будет читать вторую лекцию, продолжение. Предполагает кроме того прочесть по истории философии ряд лекций. Народа на его лекции о Славянах было страсть: почти все Русские, Чехи, Сербы. Поляки; даже Немцы затесались уж не знаю зачем»³. Выдержка из письма была извлечена III отделением Департамента полиции. Согласно отметке, дальше текст читался слабо, и его переписывать не стали. Поскольку письмо Кати было написано раньше официальной покупки дома, логично предположить, что эти или другие помещения коммуна арендовала.

Первый год пребывания в Цюрихе девушки придерживались подобия «землячества». От сербов и болгар русских девушек отделял язык. Поляки держались обособленно, и среди них была только одна

1 Голицын, с. 25, ...; Месхи.

2 Голицын, с. 21, 28, 57, 58, 115.

3 ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 443.

учащаяся женщина. Наиболее близкими казались кавказцы, но у них были свои интересы, малопонятные жителю средней полосы, и своя группировка, вскоре оформившаяся в политическое общество «Угели» (что в переводе с грузинского значит «ярмо», «связка», «общая упряжка»). В 1872 году Катя входила в «женский ферейн» с «фричами»: Софьей Бардиной, Лидией Фигнер, Варварой Александровой (в замужестве Натансон), сестрами Верой и Ольгой Любатович, сестрами Евгенией, Марией и Надеждой Субботинными, Бетти Каминской, Анной Топорковой, «гусаром» Дорой Аптекман, Верой Фигнер (в те годы – Филипповой, по мужу, позже брак расстроился), Александрой Хоржевской, Евгенией Завадской. Некоторые из «фричей» работали в типографии Лаврова и набирали номера журнала «Вперед!» (первый номер вышел в сентябре 1873 года). Душой компании была умница и отличница Соня Бардина, подруги с почтением называли ее «теткой». Как и Катя, Соня носила стрижку и предпочитала мужскую одежду. Обе девушки были сильными независимыми личностями, но Соня – лидером, заводилой, а Катя – сдержанным мыслителем, аналитиком, ей больше подходил эпитет «тихая». Она вообще держалась немного в стороне. Создается впечатление, что ей было проще найти общий язык с «мужской половиной».

Весной 1873 года, когда все более-менее освоились с заграничной обстановкой, молчаливая Катя и острые на язычок «фричи» завязали дружбу с горячими «угеловками»: княжной Олико Гурамовой (Ольгой Гурамишвили), Пешо Наваловою (Пелагеею Нацвлишвили, Нацуркой), Олимпиадой и Катуньей (Ольгою и Екатериною) Николадзе, Ботей (Богумилой) Землянской. Для русских девушек это было равносильно открытию нового мира – Кавказа не книжного, а реального. Они сидели бок о бок, слушали шламенные речи революционера-публициста Нико Николадзе и проникались взаимным уважением. Так завязалась первая дружба. «Официальное» объединение с «угельцами», в число которых входили и мужчины, состоялось в августе 1874 года на конгрессе в Женеве. Главной обсуждаемой темой был вопрос: следует ли кавказцам стремиться к созданию собственной независимой республики или же примкнуть к революционному движению в России? – цели социально-революционного движения были общие, но частные задачи расходились. Была на конгрессе и Катя: среди русских

женщин «особенно выделялась своей внешностью Гребницкая, сестра Д.И. Писарева, которая являлась на конгресс в мужском костюме...» – отмечал на «Процессе 50-и» Иван Джабадари⁴.

Для приезжих девушек жизнь в Швейцарии была очень непростой. Это касалось и быта с его неустойчивостью и дороговизной, и языкового барьера – даже Кате с ее знанием языков требовалось привыкнуть к местному диалекту. Но хуже всего было откровенно-пренебрежительное отношение представителей власти и швейцарских обывателей. Опытный Николадзе предостерегал: вы «не знаете ни того скрытого ожесточения высшего цюрихского общества, которое укоренилась против учащих женщин, ни той власти, которая предоставлена цюрихской конституцией цюрихскому правительству. Есть две категории личностей, не пользующихся в Швейцарии вообще (и в немецкой в особенности!) решительно никакими правами и предоставленных произволу полиции: незамужние женщины (так называемые «вольные») и иностранцы. Цюрихский закон дает такое широкое толкование слову «вольная женщина», что сюда могут подходить все без исключения женщины, не имеющие в Цюрихе недвижимой собственности или не записанные в число гражданок Цюриха. <...> Он [прим. Н.Т.: антагонизм общества] внимательно выжидает ваши ошибки и основательным манером эксплуатирует их с целью уронить доверие всех и каждого к учащимся женщинам. <...> Вам следует смотреть в оба, чтоб не попасть, в <...> ловушку из-за невинной, вздорной или остроумной шалости и не сделаться причиной или поводом затруднений женского дела и посмешищем всего читающего люда».

Еще сложнее было разобраться в путях предлагаемых социальных реформ и непрекращающихся междоусобицах внутри самой эмигрантской среды. Кому верить? – радикально настроенному Бакунину? любительно теоретизировать социал-демократу Лаврову? а может, дерзкому самовлюбленному Нечаеву? «Здесь существует множество партий», – писала весной 1873 года Катя⁵. В хитросплетении секций, отделов, союзов, комитетов, кружков, которые создавались и распадались одинаково быстро, было несложно запутаться. Плюс сама

4 Месхи.

5 Голицын, с. 55.

Швейцария на страницах прогрессивных изданий обсуждала правки к конституции. И это все на фоне неутихающих споров о роли Французской революции 1789 года и нынешнем положении дел «Третьей Французской республики». На неискушенных юных дев, только вчера покинувших пределы задавленной цензурой России, безжалостно хлынул мощный информационный поток. Хотелось везде успеть, все охватить, понять все разом. А тут еще безумные внутренние распри вокруг «россовской» библиотеки – накопившиеся взаимные претензии вспыхнули в один миг, и коммуна стала похожа на развороченный улей. (Яблоком раздора был вопрос о заведовании библиотекой. Дошло до того, что в марте 1873 года Михаил Сажин, поселившийся в эмиграции фамилию Росс, вместе со своими с товарищами избил секретаря библиотеки Смирнова. Через несколько дней им самим крепко досталось от студентов). *«Над моим ухом раздается: „Толпа русских женщин в два часа дня напала на Росса и отколотила его!“* – пишет Олико, – *Я оглядываюсь: верно, я ошиблась? Не может быть!»* Как пройти весь этот лабиринт, не потеряв лица? Катя была подготовлена намного лучше большинства своих сверстниц, к тому же, на нее в известном смысле «работало» имя брата, но легко догадаться, что даже ей пришлось несладко.

За год студенческой жизни девушки заметно повзрослели, психологически окрепли, научились ориентироваться в непростой разномастной среде и при этом успевали учиться. Но тут пришла настоящая беда – как гром среди ясного неба грянул указ о цюрихских студентах. В 1873 году через газеты «Правительственный Вестник» (от 21 мая) и «Neue Zürcher Zeitung» (№№ 368, 374 и 376, от 11, 14 и 15 июля) до сведения всех российских эмигрантов было доведено объявление особой правительственной Комиссии (в состав которой входил министр внутренних дел, министр народного просвещения, шеф жандармов и главноуправляющий IV Отделения), согласно которому те из посещающих цюрихские университеты и политтехникум студентов, «которые по 1 января 1874 года не прекратят своих занятий, по возвращении в Россию – не будут допускаемы ни к каким занятиям, разрешение и дозволение которых зависит от правительства, а также к каким бы то ни было экзаменам...»⁶.

Правительство было всерьез обеспокоено непрерывно возрастающим «притоком русских женщин» в цюрихские вузы и справедливо связывало это явление с нерешенным в России «женским вопросом». Вопрос о женском труде, высшем образовании, равноправии с мужчиной и «эманципации» (в широком смысле слова) общество стало активно поднимать на страницах российских журналов десятилетием ранее. В 1871 году вышло «Высочайшее повеление», определявшее все виды женских профессий и области деятельности, которые «правительство признавало возможным допустить». В качестве учреждений высшего образования рассматривались: педагогические курсы при некоторых заведениях IV Отделения, высшие курсы при столичных университетах (со временем их планировалось учредить и в провинциальных) и врачебно-акушерские курсы при Медико-хирургической академии (но вскоре совместное обучение было запрещено, и для женщин образованы «особые женские медицинские курсы», позволявшие получить квалификацию акушерки, но не врача). Иными словами, было разрешено лишь два направления – акушерское и педагогическое с уклоном в изучение «историко-филологических предметов». Дальнейшее расширение перечня считалось не только нежелательным, но и вредным, приводящим к «утопической идее» уравнивания прав с мужчинами и участия женщины в политике. Появление в обществе «нигилистической заразы» рассматривалось как крайне опасная тенденция. В свое время председатель комиссии по каракозовскому делу граф М.Н. Муравьев-Виленский даже предлагал ввести для нигилистов такие паспортные правила, которые приравнивали бы их к «женщинам развратного поведения». «Деморализованная, развращенная женщина способна на героические подвиги, – продолжал его мысль чиновник Департамента полиции Н.Н. Голицын, – <...> наши нигилистки, при случае, разовьют характер и силу воли, которой мы в них теперь не подозреваем. И вот женщины-апостолы пойдут в народ, – в качестве врачей, управляющих фабриками, заводами, в качестве химиков, механиков, инженеров, и будут проповедовать слово правды!» Комиссия не могла допустить мысли, чтобы «два-три докторских диплома могли искупить зло, происходящее от нравственного разложения молодого поколения»⁷.

«Какая тишина в Цюрихе! Положительно гробовая, – писала в сентябре 1873 года Ольга Гурамова, – Прежде, бывало, войдешь в библиотеку – шум, гам. Как хочешь, а жизнь была. А теперь сидят несколько человек, разговаривают тихо, подавленно. Никак не ожидала, что этот треклятый декрет будет иметь такое последствие. Русские все разъехались, как барыни, так и мужчины. Суслову не пускают обратно в Россию. Она, несчастная, в отчаянии, хандрит». Сегодня мы считаем Надежду Прокопьевну гордостью России, первой женщиной-врачом, но в августе 1873 года въезд на родину был ей запрещен. Хандрили и все остальные – до отчаяния, до апатии. Нередко слышалось: остается только пулю в лоб... Но жизнь продолжалась. Кто-то вернулся в Россию, кто-то решил продолжить обучение в Берне и Париже. Катя до весны 1874 года оставалась в Цюрихе. Именно тогда в ее жизни появился человек, сыгравший самую страшную и роковую роль – Василий Александров.

Василий Максимович Александров (1849 г.р.) окончил Тифлискую гимназию и в 1868 году поступил в Медико-хирургическую академию Санкт-Петербурга. В январе 1870 года был арестован по «Нечаевскому делу», но вскоре отпущен за недостаточностью улик; вместе с Натансоном организовал студенческий кружок, легший в основу «чайковцев»; 5 декабря 1870 года был арестован вторично – как фигурант в деле «пропаганды печатного слова», через две недели отчислен «за неуспешность в науках» и выслан из Петербурга. В ноябре 1871 года Александров бежал за границу и сперва заведовал типографией Эльпидина в Цюрихе (выпустил брошюру К. Маркса «Гражданская война во Франции, 1870-1871»), а затем при участии Веры Любатович и польского эмигранта Жилко, издал в Женеве резонансную брошюру Соколова «Отщепенцы». Позже составлял революционные брошюры вместе со студенткой Крюковой. Деятельность Александрова была всегда так или иначе связана с печатным делом. Его попытка читать лекции успеха не возымела: 11 марта 1873 года он призывал немногочисленных слушателей вернуться на родину и как можно скорее «идти в народ», но призыв «долгой университет и ученье» даже у юных девиц вызвал не сочувствие, а скепсис (о лекции рассказывала в письме Ольга Любатович)⁸.

⁸ Голыцын, с. 74-76.

В 1872 году Александров стал одним из основателей Славянской секции Интернационала в Цюрихе. По словам современников, он был очень подвижен, страстен, «кидался в разные предприятия и разговоры», любил произвести впечатление и, как следствие, пользовался популярностью у женщин. Осенью 1872 года, после того, как общество студентов распалось на несколько кружков, один из них стал носить название «александровок». В 1873 году Василий переехал в Берн и занялся там обустройством перевезенной из Цюриха студенческо-революционной библиотеки (сперва он хотел основать библиотеку в Париже, совместно с Софией Гольштейн). Осенью того же года он тщетно пытался возродить цюрихскую коммуну, располагавшуюся теперь по адресу Spitalstrasse, 11. С Лавровым отношения полностью разладились – он обвинял Александрова в раздорах (ранее Смирнов ставил ему в вину «неправильное ведение денежных счетов русской типографии»). После отъезда Лаврова в Лондон, в феврале 1874 года, Александров сделался единоличным предводителем оставшихся девиц. «Деятельною ему помощницею» стала Гребницкая. В конечном итоге бесплодные попытки сберечь коммуны были оставлены, и ближе к весне Василий с Катериной переселились в Женеву. Здесь Александров «на средства Лакиера и Гребницкой» завел небольшую типографию. Катя была наборщицей. Иногда ее замещала «нигилистка» Андреева, прежде работавшая в типографии Лаврова в Цюрихе⁹.

Деловые отношения переросли в романтические не сразу. В июне 1874 года к Кате в Женеву приезжал муж, Николай Гребницкий. Они совершили небольшое путешествие в Константинополь, а оттуда – в Одессу. Вернувшись в Женеву, супруги отправили в Грюнц «приятное и веселое письмо», обрадовавшее и успокоившее Варвару Дмитриевну. В октябре Катя планировала сдать типографию и вернуться в Россию – так она писала мужу, и он передал в декабрьском письме теще. Судя по всему, она не была любительницей эпистолярного жанра, ее письма носили скорее информационный характер. Отношения с матерью были сдержанными, чтобы не скатываться прохладными. В отличие от старших детей Катя не делилась с ней мыслями и переживаниями.

⁹ Голыцын, с. 63, 66, 74-77; Деятели революционного движения в России. Вып. I, с. 15.

В ноябре из Женевы пришло еще одно письмо, в котором Катерина попросила родителей дать ей взаймы 100 рублей, поскольку Надеин перестал «высылать» как была условлено»¹⁰. Митрофан Петрович Надеин (1839-1916) был земляком Писаревых и другом Флорентия Павленкова¹¹. С 1866 года Павленков, Надеин и Владимир Черкасов занимались изданием «Сочинений» Дмитрия Писарева (второй том вышел в 1869 году). Первое издание разошлось быстро (в конце 1870-х годов за его книги давали «тройную цену, чтобы только достать»¹²), и в начале 1870-х годов было предпринято второе, правда, часть томов была запрещена цензурой, зато удалось издать в Варшаве «Очерки по истории труда» на польском, организованный в Петербурге Павленковым и Надеиным «Книжный магазин для иногородних» был тесно связан с революционными кругами – большинство предлагаемой литературы совпадало со списком книг, издававшихся «чайковцами». Поскольку после речи на похоронах Писарева Павленков оказался под надзором полиции в Вятке, магазином стал заведовать Надеин. С августа 1872 года «строгий негласный контроль» был учрежден и за ним, а в 1874 году в III Отделение поступил донос о тесных контактах Митрофана Петровича с С.В. Степняком-Кравчинским. Этот обострило и без того непростые отношения с властями. В середине 1870-х магазин разорился. По словам Варвары Дмитриевны, Надеин хотел купить у Веры и Кати право на издание сочинений Дмитрия, но поскольку издательство разорилось, сделка не состоялась¹³.

Голицин утверждал, что Гребницкая «отдала эмигранту Александру <...> на так называемое «народное дело», весь свой капитал в 5000 руб.; по растрате же им этих денег она, по его же внушению, решила продать себя, для доставления средств коммуне, одному старику, за несколько тысяч, отданных ею все тому же Александру». Но это утверждение не нашло подтверждения: во-первых, Катерина не получала приданого, на момент заключения брака семья была на грани разорения, положение не улучшилось даже спустя

девять месяцев¹⁴; во-вторых, указаний на финансовую поддержку со стороны более богатых родственников не обнаружено; и наконец, совершенно не понятно, каким способом можно было «продать себя за несколько тысяч» (это очень большая сумма). Катерина зарабатывала издательской деятельностью, получала денежные переводы от петербургского «Книжного дома» и, вероятно, незначительные – от родителей и мужа. Жила скромно: женские наряды не покупала, на съемное жилье не тратилась. Это позволило сделать небольшое сбережение, позже потраченное на открытие типографии в Женеве. Основную часть суммы вносила не она, а более состоятельный Петр Лакиер, получавший от семьи деда ежемесячное содержание в 100 рублей¹⁵. Катерина лишь заведовала делами. К словам Голицина следует отнестись осторожно, поскольку его либеральность не распространялась на женщин, и он не упускал случая слегка передернуть факты и сгустить краски. Как бывший следователь, он старался подкрепить любой факт доказательствами (данными «Швейцарской агентуры» или иных источников), но это утверждение так и осталось без ссылки на источник.

В том же ноябрьском письме Катерина сообщила, что чувствует себя беременной. Но уже в начале января, поблагодарив родителей за полученные деньги и пообещав их вскорости вернуть, отписала, что «это была не беременность, а сильная простуда. Что она была очень больна, но что теперь почти здорова» и собирается в конце месяца ехать «по своим делам» в Петербург. «Что это за дела?» – спросила Варвара Дмитриевна, но ответа не последовало. Это были последние слова, адресованные матери. Даже за день до смерти, в минуту отчаяния, она обратилась не к ней, а к отцу.

Как и планировала, Катерина приехала в Петербург, но родным об этом не сообщила. О том, что дочь оставалась в северной столице в феврале и марте, Писаревы узнали лишь со слов «некого господина из Одессы», который писал Гребницкому, а тот, в свою очередь, передал Писаревым. Имя этого «господина» Варваре Дмитриевне было известно – Катя рассказывала о нем, когда гостила в 1872 году. Но поскольку письма досматривались полицией, опытная женщина

10 РО ИРЛИ. № 9550. Л. 5 об.-6, 9 об.

11 Деятели революционного движения в России. Вып. III, с. 995.

12 Д.И. Писарев в воспоминаниях..., с. 132

13 Листи до Марка Вовчка, с. 161.

14 РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Л. 10-11 об.

15 Соболева.

не стала произносить его «вслух». Скорее всего, речь идет о Николае Жебуневе, в 1873 году вернувшемуся в Одессу и на тот момент находившемуся в бегах. *«Катя в продолжении своего пребывания в Петербург» начала более тосковать. Видно было, говорит он, что Она совершенно разочаровалась в близком Ей заграничном кружке. Что Александров (C'est la famille de celui qu'Elle croyait aimer) écrivait lettre sur lettre pour la faire revenir à Genève et qu'Elle, se sentant enceinte ne se croyait pas en droit de séparer l'enfant du père (Это фамилия того, кого она, как считала, любит, писал ей одно письмо за другим, чтобы вернуть Ее в Женеву, и Она, чувствуя, что беременна, сочла себя не в праве изолировать ребенка от отца). Опять не понятно, если разочаровалась в кружке то конечно и в Алекс<андро>ве» En premier lieu – quelle est donc cette considération?.. tant mieux que l'enfant ne connaisse pas même le nom d'un père pareil (Во-первых – что это за рассуждение?.. Тем более, что ребенок не знает даже имени такого отца)».*

На этот раз Катерина, действительно, ждала ребенка. Его отцом был Василий Александров. В 1874 году Александров уезжал в Лондон, а затем в Россию, но в сентябре вернулся в Берн и потом в Женеву. Вероятно, именно тогда отношения переросли из товарищеских в нечто большее. Катя была верным и надежным другом, настолько преданным, что Александров открыто жил на ее средства, «издерживая на революционное дело ее капитал»¹⁶. Но серьезных планов на создание семьи быть не могло, по крайней мере, с его стороны.

Последние месяцы жизни девушки были полны боли, слез и разочарования. Пройдя через круговорот политической незрелости, она научилась отличать искренность от лицемерия и реальность от утопии. Вместе с тем пришло горькое прозрение, что предлагаемые революционные программы абсолютно нежизнеспособны: к изменению строя не готовы даже прогрессивные силы общества, не говоря о массах. С трибун звучало: наше дело разрушить, а строить будут другие. Но откуда взять «других»? Кто направит народ? Как сказал Некрасов, «застигло нас великое время не готовыми к великой борьбе!»¹⁷ Но было кое-что и похуже осознания безвыходности – это страх «опошлиться», отойти от идеалов, под гнетом житейских

проблем стать «как все». *«На меня напало какое-то оцепенение, я не спала, ходила, ничего не понимала, не чувствовала», – писала в те дни Ольга Гурамова. Все чаще звучали слова: лучше пулю в лоб...*

В Женеве Катя «все тосковала, то вдруг начинала лихорадочно очень ревностно работать и потом снова все бросала». Немного разрядил атмосферу бывший студент цюрихского университета Петр Александрович Лакиер (1852 г.р.): *«она и какой то Лакьер (должен быть франц<уз>) устроили экскур<сию> в Вевийские горы, чтобы Ее разсеять. Стало как будто немного лучше».* Окрестности городка Ве́ве (Vevey) на западе Швейцарии славилась не только живописными пейзажами, там останавливались многие революционные деятели. Варвара Дмитриевна не знала, что молодой «француз» приходился внуком Петру Александровичу Плетневу, издателю журнала «Современник», другу Пушкина. После незначительного подъема депрессия усилилась: *«Последнее время не спала совсем и почти не ела. На все вопросы отвечала – или не хочу или мне все равно».* Плакала, сильно плакала, и даже говорила, что «презирает себя»¹⁷.

И вот наступил последний день – 30 мая 1875 года и последовавшее за ним роковое утро. Незадолго до этого Катя приняла решение ехать в деревню (очевидно, в Грунец). Но поскольку деньги были истратчены на уплату долгов и другие нужды, было решено «ожидать присылки до нее из деревни». Но что-то изменило планы и вызвало «terreur panique» (панический ужас). Накануне смерти Катерина написала несколько писем в Россию и сама опустила их в почтовый ящик: отцу с просьбой выслать 80 рублей, «господину из Одессы» – одолжить 60 рублей и кому-то еще. Гребницкий в число адресатов не входил. *«От Вашей посещенности зависит все, говорила Она, я стою в страшном положении, скорей по телеграфу присылайте, тотчас же к Вам приеду, спасите меня, спасите – мне только остается пустить пулю в лоб, скорей, скорей. <...> Спасите меня <...> и моего будущего ребенка».* Банковский перевод сделали немедленно, но было слишком поздно: 31 июня в 6 часов утра Катерина застрелилась из револьвера Александрова. Смерть наступила мгновенно.

Первой забила тревогу квартирная хозяйка мадам Треми. Она услышала выстрел и разбудила второго постояльца – господина

Муста, спавшего в том же помещении, разделенном тонкой перегородкой. Он немедленно отправился сообщать в полицию. Александрова поблизости не оказалось, хотя он жил в той же квартире. Как случилось, что видя женщину, свою соратницу, мать своего ребенка в «такой безысходной тоске» он не только не убрал револьвера, но, напротив, оставил его на столе? «*He en ee ubil*, – говорили знавшие их, – *no on позволил ей сделать это...*». «Я бы желала чтобы этого негодяя Алекс<андрова> прижали к ответственности» по этому делу. Это вполне испорченный человек – писала «некая особа из Женевы». «Господин из Одессы» отзывался об Александрове еще менее лицеприятно и даже высказывал предположение, что это – убийство, и он на месте Гребницкого «*потребовал бы провести новое расследование и вскрытие тела*». Свою догадку «господин» объяснял тем, что Катерина слишком много знала о структуре революционного сообщества и «*elle pouvait leur être dangereuse*» (могла быть для них опасной). Опасения были беспочвенны до тех пор, пока Гребницкая находилась в свободной Швейцарии, но стоило ей пересечь границу России – и она становилась реальной угрозой не только для женевского революционного круга, но и всех тех, кто был с ним связан. И действительно, в 1877 году Катерина единственная из подруг не проходила по «Процессу 50-ти» – единственно потому, что на тот момент была уже мертва. Дополнительного расследования Гребницкий не потребовал – его жена забеременела от другого, брак распался, о том, чтобы вывести семейные раздоры на всеобщее обозрение не могло быть и речи. Варвара Дмитриевна тоже была категорически против криминалистических экспертиз – зачем осквернять тело, если дочь это не воскресит, а «*мечь в любом случае, и особенно в этом – просто не имеет смысла*».

Чем была так напугана Катя? От чего бежала? Почему не дождалась денег? – Варвара Дмитриевна сопоставляла известные факты и прокручивала в уме возможные сценарии. Катя была на пятом месяце беременности. Она была сильным независимым человеком и не обращала внимание на то, о чем говорят у нее за спиной. Людского осуждения не боялась. В родителей поддержке усомниться не могла – ребенок, законный или нет, был бы одинаково любим и дорог. Муж был человеком благородным и деликатным, и с этой

стороны ей ничто не угрожало. Обманутая любовь также не могла стать причиной: «*Oh! Non. Elle n'avait pas un coeur si aimant, l'amour pouvait être un nécessaire dans la Vie – mais pas la dominer, la prendre en entier*» (Перевод: О! Нет. У Нее не было столь влюбчивого сердца, любовь могла быть потребностью жизни, но не захватывать, не овладевать ею целиком). Несчастливая мать расспрашивала всех, требуя не щадить ее чувств. И только главный фигурант, Александров, так и не удостоил ее хоть каким-нибудь ответом.

«Единственный проблеск во всей этой истории», – рассуждала Варвара Дмитриевна (перевод с франц.), – что Катя, вероятно, обнаружилась, как под внешней помпезностью политических дел скрывалась постыдная спекуляция. Как вся эта несчастная молодежь, привлеченная патетическими фразами, полагающая, что она действует на благо общества, работала лишь на то, чтобы наполнить карманы тех негодиев, которые с холодной расчетливостью вели их к гибели. Она почувствовала отвращение – и не смогла пережить потери своей иллюзорной идеи! <...> Она хотела быть полезной для народа – но, Боже мой, есть тысяча более простых способов. Ничто не излечит этих детей, когда летом мы идем в поля и оставляем без всякого присмотра разожженный костер, это заканчивается тем, что сгорают все деревня. <...> Что могло случиться в эти несколько часов после отправки писем, для меня навсегда будет покрыто тайной. Самое обидное – возможно, это была просто болезнь, вызванная неустойчивостью и тяжелой беременностью. И следовало лишь вовремя дать какое-то лекарство, и эта тревога прошла бы! Но она была одна, одна, мое бедное дитя, не было никого рядом с ней, и в тот момент, когда она так страшно страдала, я спокойно сидела здесь в кресле».

Мадам Трени старалась, насколько это возможно, утешить Писаревых. «У вашей дочери были прекрасные похороны, – писала она. Все русские пришли проводить ее в последний путь». Другие считали похороны «ужасными». Ужас заключался в самом факте происходившего и общем подавленном состоянии. Трагедия всколыхнула общественность, некрологи были напечатаны во многих газетах. «Варшавский курьер», ссылаясь на «Одесский вестник» писал: «... в Женеве покончила с собой, выстрелом из револьвера, жительница Одессы Екатерина Гребницкая, урожденная Писарева. Покинувши

страну, она училась в цюрихском политехникуме и университете» (перевод с польск. Я. Ходеры).

Жизнь полна странных совпадений. На «Процессе 50-ти» Вера Фигнер вспоминала: «Когда в 1872 году мы, цюрихские студентки, еще не испытывавшие ни политических бурь, ни личных неудач, образовали «женский фerein» <...>, по странной случайности, темой первого доклада на общем собрании был вопрос о самоубийстве, и горячие прения возбудило обсуждение, можно ли считать нормальным состояние человека, решающего на самоубийство. Никто тогда не подозревал, что между горячо спорящими присутствуют нянь будущих самоубийц: С. Бардина, Хоржевская, Б. Каминская, Евг. Завадская и сестра писателя Д. Писарева, Гребницкая, – все такие разные и тогда все жизнерадостные... Всех измолотило и всех сравняла жизнь»¹⁸.

Не исключено, что Екатерина Ивановна Гребницкая сама нажала на курок револьвера. Но остается неясным, как девушка, еще вчера строившая большие планы, так легко расстается с жизнью, и почему она не оставила никакой предсмертной записки. «Причина самоубийства неизвестна, так как несчастная не оставила после себя ни одной строки», – сообщала 22 июня 1875 года петербургская литературно-политическая газета «Голос»¹⁹. Но даже если допустить мысль о суициде, этот порыв не был связан с желанием оборвать жизненный путь. Катя любила жизнь и, как и покойный брат, никогда не ощущала себя «лишним» человеком. Смыслом жизни девушек-«семидесятниц» было служение своему народу, борьба за справедливость и равенство прав. Они не сдавались, не опускали руки до тех пор, пока не наступало полное физическое и эмоциональное истощение. Катю использовал и подвел к безрассудной черте Василий Александров. Остальных сломил ссылка в Сибирь. Они сами выбрали этот путь, но не знали, какие страшные испытания выпадут на их долю: «...лучшие силы молодежи гибнут до времени, <...> их гибель даже не может пригодиться как пример мученичества и героической борьбы», – писал в 1876 году Н. Николадзе. Пройти до конца могли лишь те, кто шел не один, кого поддерживали близкие.

Заключение. Жизнь продолжается.

Брачный союз между Катериной и Николаем был своеобразным, но все же не «фиктивным». Не каждая пара способна вынести испытание разлукой, эта – не смогла. Но даже после разрыва Гребницкий сумел сохранить хорошие отношения с родителями супруги. Варвара Дмитриевна ни разу не упрекнула зятя. Когда случилось непоправимое, он сообщил старикам все, что знал и смог выяснить. И все же этого было недостаточно. Николай решил оставить Одессу и родную среднюю полосу России. 22 сентября 1875 году он был определен учителем математики в Иркутскую гимназию и немедленно отправился в путь²⁰. Его не смутили суровые условия Сибири и непривлекательная должность, важно было уехать, изменить свою жизнь. Восточный курс мог задать научный руководитель, Н.М. Мельников.

Гребницкий никогда не бежал от себя, но порою кажется, что он себя «сослал», а затем «наказал» Командорскими островами – одной из самых отдаленных и проблемных точек Дальнего Востока. Сделавшись управляющим, он ставил невыполнимые задачи и достойно проходил через все испытания. Много внимания уделял нравственному воспитанию алеутов, заботился об их быте, не искал перед вышестоящим начальством и не боялся высказывать собственное мнение. Но никогда и никому не рассказывал о той драме, которая навсегда изменила его жизнь. Лишь заключая брак с Елизаветой Гирс, Николай дал честный, но странный обет: «Страстной любви дать не могу, любить же буду глубоко и продолжительно».

В 1870 году девушка-нигилистка и студент-натуралист мечтали изменить мир. Он дожил почти до шестидесяти и зарекомендовал себя как грамотный специалист и дальновидный администратор. Ей не исполнилось даже двадцати двух, и трагедия ухода запомнилась больше, чем короткая жизнь.

¹⁸ Тургеневский сборник, с. 201.

¹⁹ Красный Архив, с. 251.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102, Д-во 1. Оп. 12, Д. 1132, Л. 3 об.

Сокращения:

ГАНО – Государственный архив Новгородской области (Великий Новгород).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека (Москва).

РГБ ОР – Российская государственная библиотека, рукописный отдел (Москва).

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург).

Список использованных источников:

1. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2564. Дело по надзору полиции за Верой Писаревой (21 января 1869 – 19 апреля 1870).
2. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2568. О политических ссыльных студентах Николае Гребницком и Владимире Лебедеве (27 марта 1869 – 5 декабря 1872).
3. ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2570. Списки студентов, находящихся под надзором полиции в городе Новгороде (13 июня 1869 – 19 июня 1869).
4. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 12. Д. 1132. О службе начальника Командорских островов, коллежского советника Николая Гребницкого.
5. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 443. Выписка из письма Гребницкой Е. и Жебунева Н. из Цюриха к Гребницкому Н.А. и Жебуневу В. в Одессу с выражением своего мнения о лекции Лаврова П.Л. «О значении славян в европейской цивилизации», прочитанной в Цюрихе.
6. Гарднер Р.А. Варвара Дмитриевна Писарева // Русская старина. Т. XXIX. – СПб.: типогр. В.С. Балашева, 1880. – С. 1007-1014.
7. Голицын Н.Н. (Татищев С.С.) История социально-революционного движения в России: 1861-1881. – СПб.: типогр. Министерства Внутренних Дел, 1887. – 186 с.
8. Д.И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников / Сост. В.И. Щербаков. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 448 с.

9. Десятерик В.Д. Павленков. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 102 с. Режим доступа: <https://www.litmir.me/bd/?b=241290> (1.04.2017)

10. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. I / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. – Москва: Мослитграф, 1929. – 406 с.

11. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. III / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. – Москва: Мослитграф, 1931. – С. 837-1384.

12. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. IV / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. – Москва: Мослитграф, 1932. – С. 1393-2156.

13. Земство в произведениях русских писателей: Библиографический указатель / Сост. Ромашова В.И. – Великий Новгород: Новгородская областная универсальная научная библиотека, 2001. – 97 с.

14. Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении / Отв. ред. В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1988. – 301 с.

15. Коротков Ю.Н. Писарев / Жизнь замечательных людей. Вып. 13 (565). – М.: Молодая гвардия, 1976. – 368 с.

16. Красный архив / Исторический журнал под ред. В.В. Адоранского и др. Т. 5. – Москва: Гос. изд-во, 1924. – 262 с.

17. Листи до Марка Вовчка. Т. 2 / Под ред. О.Е. Засенко, Н.Е. Крутикова. – Київ: Наукова думка, 1979. – 551 с.

18. Месхи И.С. Пишу тебе... Нико-Олико: докум. повесть на основе переписки Н.Я. Николадзе и О.А. Гурамишвили (Гурамовой). – Тбилиси: Мерани, 1980. – 179 с. Режим доступа: <http://meskhi.net/nikoliko/> (1.04.2017)

19. Мосин О.В., Мосина С.А. Маленький Зевс на высоких каблучках. Режим доступа: http://samlib.ru/o/oleg_w_m/cdocumentsandsittingsolegmooidokumentymalenxkijzewsawysokikhkablukahrtf.shtml (Размещен 23.10.2006).

20. Надеин Митрофан Петрович / Окружение Ф.М. Достоевского. Режим доступа: http://www.fedorostoevsky.ru/around/Nadein_M_P/ (1.04.2017).

21. Некролог // Kurjer Warszawski, № 148 от 9 июля/27 июня 1875 (со ссылкой на «Одесский вестник»). – Warszawa, 1875. – S. 3.

22. Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 11. Письма / Сост. В.И. Щербаков. – Москва: Наука, 2012. – 598 с.

23. Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 12. Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850-1867 / Сост. В.И. Щербаков, Г.Г. Елизаветина. – Москва: Наука, 2013. – 628 с.

24. Решетников Ф.М. Дневник / Литературное наследство. Вып. 3. – М.: Журнально-газетное объединение, 1932. – С. 167-196.

25. РО ИРЛИ. № 9550. Письма В.Д. Писаревой, адресованные М.А. Маркович.

26. РО ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1121. Письма В.Д. Писаревой М.М. Стасюлевичу.

27. Соболева Н.А. Род Ликиеров // Гербовед. № 79. – 2005. – С. 139-152.

28. Татаринова Н.А. Жизнь и смерть управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого // Россия и АТР. № 4. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – С. 101-115.

29. Татищев С.С. Революционное движение в России 1861-1871 г. – СПб.: Записка, составленная по Департаменту полиции (машинописная копия), 1881 (1882). – 310 с.

30. Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева Т. 2 / Под ред. Н.В. Измайлова, Л.Н. Назаровой. – Москва, Ленинград: Наука, 1966. – 395 с.

31. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 5. Д. 3531. Гребницкий Николай.

32. Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / Под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цеховицера. – Москва, Ленинград: изд-во АН СССР, 1940. – 490 с.

33. Щербаков В.И. Д.И. Писарев и литература эпохи нигилизма. – Москва: ИМЛИ РАН, 2016. – 416 с.

Благодарности:

филологу Университета им. А. Мицкевича пани Янина Ходере (Janina Chodera), г. Познань, Польша; выпускнику Университета им. А. Мицкевича пану Ежи Стычински (Jerzy Styczynski), г. Талан (Talant), Франция; ст. н. с. ИМЛИ РАН В.И. Щербакову, г. Москва; члену общества «Русская Америка» И.А. Липилиной, г. Москва.

ПИСЬМА ПЛЕМЯННИКУ: ВАДИМ АНДРЕЕВ – АЛЕКСАНДРУ ВАГИНУ (ПУБЛИКАЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ А.Н. КЕН. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Вадим Андреев (1903-1976), старший сын известного русского писателя Леонида Андреева, покинул родину вскоре после смерти отца. Прожив за границей около четырех десятилетий, в конце 50-х годов получил возможность приезжать в Россию. Однажды в доме двоюродной сестры Ирины он познакомился с ее сыном – подростком Сашей Вагиным.

Спустя годы Александр Вагин (1946-1995), вспоминая этот день и то чувство необычности происходящего, которое к нему пришло позже, писал: «Восторженная любовь, поразившая меня при первой же нашей встрече <...> не угасала на протяжении тех полутора десятилетий, когда мне выпадало счастье видаться и предоставлена честь переписываться с Вадимом. (Возможно, полагалось бы для приличия писать Вадим Леонидович, но принятая между нами форма родственного обращения на “ты”, стесняет). <...> Все было удивительно в Вадиме Андрееве. Внешность, речь, манеры. Наконец, удивительнее всего его присутствие здесь, в старом ленинградском доме, в запущенной коммунальной квартире, где случайно выловленная по приемнику зарубежная волна уже казалась криминалом. Удивление это поймет знающий, как мы тогда жили. Был 1959 год. <...> Он пришел к нам вместе с милой Олей, Ольгой Викторовной, его верным и преданным другом, дождливым ленинградским вечером. <...> Разговоры, конечно же, были о Леониде, его отце, о других родственниках, часть из которых была в этот вечер у нас. <...> В тот первый, ставший уже историей вечер, Вадим читал кроме своих стихов «Пляски смерти» Блока. Дождь за окном, негромкий свет в нашей комнате, напряженная тишина и так пронзительно знакомое «Ночь, улица, фонарь, аптека...» – могло ли быть что-то лучше в ту минуту в этом далеко не лучшем мире».